

МО ЛЕНКОР

ЛЕГЕНДА
О РИСТАЛЯХ
∞ ТЕНЬ ∞

1 ЧАСТЬ

18+

18+

Мо Ленкор

Легенда о ристалях.

Тень. Часть 1

Серия «Легенда о ристалях», книга 1

<https://litres.ru/74028723>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если смерть — не конец, а дверь в мир, полный магии и скрывающий множество тайн?

Мир, где дружба может стать спасением, любовь — проклятием, а одно решение способно изменить будущее человечества.

Ход истории зависит от шести героев. Их судьбы неразрывно связаны, пусть они пока и не подозревают об этом.

Обаятельный парень, девушка, потерявшая память, знаменитый ученый, барменша с окраины, дерзкая блондинка и человек-тень, избранный, а может, проклятый.

Кому из них суждено стать героем, а кому злодеем?

И кто выживет, а кто останется лишь в воспоминаниях?

Содержание

Пролог	4
Джеррайя	25
Аннэт	47
Искра	70
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Легенда о ристалях. Тень. Часть 1

Пролог

Планета Вур. Предание о войне с морнами

Давным-давно, когда на землях Грантера повсюду зеленели леса, полные зверей и птиц, когда летом спели крупные ягоды слаще мёда, а зимой под ногами хрустел снег, когда дышалось легко и свободно, — не ведали люди ни изнуряющей жары, ни песчаных бурь, ни голода. Жили они в довольстве и изобилии. И не знает никто и поныне, за что на них разгневались духи.

Но однажды тень пришла среди света. Словно грозowymi тучами затянуло небо тысячей крыльев — покинули птицы свои гнёзда. Жалобно заблеяли овцы, истошно замычали коровы, но не вняли хозяева их голосам.

И прокатился над землёй низкий зловеющий гул. Задрожала земля, покрываясь уродливыми трещинами.

И разорвалась ткань мира на части. Разверзлась среди Грантера чёрная бездна, и хлынули в неё бурные воды. Оказались соседи, друзья и родные по разные стороны пропа-

сти, что с каждым вздохом становилась всё шире. Стремительно отдалялись друг от друга берега, что были прежде частью одного целого, пока не стала пропасть та шире горизонта.

Но не кончились на том тяготы, посланные людям. Успокоились духи земли, но разбудили они духов моря. И отступили от берегов Грантера синие воды, оставляя после себя диковинные кораллы, раковины с драгоценными жемчужинами и бьющихся о песок и камни рыб, что не видывал до того глаз человеческий.

Сбежались растерянные люди на берег. Одни набивали дарами морскими карманы и узелки, связанные из скинутой наспех одежды, другие молили духов пощадить их род, но слишком тихими были голоса просящих. И прогневались духи пучины сильнее прежнего, когда увидели алчность людскую.

Заложило от шума уши, и пропал горизонт за стеной океана. Обрушились на берега Грантера гигантские волны. Как ненасытные монстры, поглощали они всё живое на своём пути, оставляя лишь эхо пронзительных криков. Говорят, то и были духи морские. Но все, кто мог поведать о том, навсегда исчезли в океанских глубинах.

Все прибрежные поселения Грантера были стёрты, а на карте Вура возникли новые земли, известные ныне как Ма́та. То был Великий разлом, что вписан в историю Вура болью и кровью.

Подавлены и напуганы были уцелевшие жители Гранте-

ра, но пришлось им встать плечом к плечу, чтобы выстоять перед новой напастью.

Не успели в прибрежных селениях возвести новых стен, как на истерзанную землю пришли морны. Никто не знал, откуда они появились. Колдуны, способные превращать людей в безвольных рабов, крушить дома, вызывать бури и оборачиваться диким зверем. Вселяли они ужас каждому, кто встречался на их пути.

Собрали люди войско из самых крепких и смелых мужей, чтобы прогнать колдунов прочь. Но коварны были морны, и укрылись они высоко в горах. Как злые духи ветра, внезапно налетали они с хребтов и ущелий, отравляя покой людей вечным страхом.

Вновь окрасились земли Грантера в багряный цвет. Двадцать циклов сражались люди, защищая свои дома от тёмной магии морнов. Под пеплом сражений вырастали дети, которых не пугали грохот оружия и дым погребальных костров. Пополняя ряды воинов, оставляли они за спинами рыдающих матерей, прежде времени поседевших от горя.

Так продолжалось до тех пор, пока не взойёл на трон Кр6ван Освободитель. На третий цикл с начала своего правления стёр он с земель Грантера все следы морнов. А на месте гибели последнего из них появился Даркх6р — вулкан чернее тени, беспощадно, как и морны, истреблявший всё живое вокруг себя.

Дорога в Ангрэм

Вур, материк Грантер, 2522-й цикл с Великого разлома (наши дни)

Моя интуиция вопит об опасности, требует схватить Дэо за руку, уговорить развернуться и мчаться обратно на максимальной скорости.

За окном, как и последний час, тянется выжженная лучами оранги безжизненная равнина, единственное украшение

которой — периодически мелькающие облысевшие кустарники. Капс мерно парит над аэрополотном, оставляя за собой шлейф из песчаных вихрей. В салоне играет моя любимая песня Си Рены. Никаких причин для тревоги.

Впереди ждёт новая жизнь. Мы вместе, в самой «зелёной» республике союза, разве не об этом я мечтала?

— Может... — пытаюсь перекрычать музыку я. — Ви, громкость на минимум.

Когда звук стихает, кончиками пальцев я касаюсь предплечья мужа:

— Родной, ты ведь знаешь, что у этой штуковины есть автопилот, да? — Я поглаживаю его руку и включаю обаяние на полную мощность.

— Ты всё не сдаёшься? — На лице Дэо фирменная улыбка, открывающая любые двери. После неё все женщины в радиусе видимости подвисяют, как набк¹, у которого кончается заряд. У меня уже должен был выработаться иммунитет, но прививку от мужского обаяния ещё не придумали. Пока окончательно не потеряла мысль, перехожу к более веским аргументам.

— М-м... мы могли бы заняться чем-нибудь поинтереснее разглядывания местного унылого пейзажа, — отодвигая светлую прядь, шепчу ему на ухо я. Нежно прикусываю моч-

¹ Набк — специальное устройство на голове, похожее на обруч или на средневековую диадему, проходит на уровне висков. Под ним очки дополненной реальности. Включает встроенную камеру. Используется для общения на расстоянии, поиска информации и т. п.

ку, а потом зубами начинаю играть с серьгой, немного оттягивая её. Наши обручальные серьги совершенны. Двойная спираль из белого золота, вместо тысячи слов о любви — материальное: «Ты в моей ДНК».

— Вот бы обрадовались кирса́ны на посту, — веселится Дэо, уворачиваясь. Я тоже смеюсь, представляя обалдевшие от подобной наглости суровые лица кирсанов. Они обеспечивают безопасность Ангрэма и в момент сканирования видят всё содержимое въезжающих на его территорию капсов, включая пассажиров.

— Но мы обязательно чем-нибудь, — простое «чем-нибудь», сказанное голосом Дэо, звучит так, что я ёрзаю на кресле, — займёмся. Когда приедем.

Я морщу нос и шумно выдыхаю через него своё недовольство.

— Лис, не фырчи. — Мне нравится, что из-за этой привычки и рыжеватого оттенка волос Дэо постоянно называет меня лисицей, лисичкой или даже лисёнком. Как сейчас помню нашу первую встречу, когда он включил мне кадры с пушистыми зверьками, снятые на Вердах. На нашем материке лисы давно вымерли, и сейчас их можно встретить лишь на островах. Наверное, поэтому в такие моменты я чувствую себя особенной.

Из вредности я показываю язык и перевожу тему, признавая поражение:

— Как думаешь, Ангрэм правда такой, каким его показы-

вают?

— Какой?

Я встречаюсь с его карамельно-карими глазами. В них столько тепла, что, не грей нашу планету оранга, я бы всё равно не замёрзла.

— Ну, не знаю... Живой, что ли? Полный контрастов и зелёных лабиринтов...

Мысленно я прокручиваю кадры из сектора Зилан, где сосредоточены здания корпораций Ангрэма. Одни из них похожи на агрессивные рубленые многогранники, другие — на мягкие пластичные эллипсы, а самая величественная ступенчатая башня, будто лестница, уходящая в небо, — главный офис «Витгала». Но больше всего меня восхищают цветущие сады на фасадах. Именно они вдыхают жизнь в эти фантастические конструкции из стекла и металла. Архитекторы Ангрэма добились, казалось бы, невозможного: гармонии природы и цивилизации. Ещё пара светов², и я стану одной из них. До сих пор не верю в свою удачу.

— А ты знал, что в центре улицы спроектированы таким образом, что пешеходные зоны всегда скрыты от лучей оранги?

— Нет. Ты же у нас специалист, — подначивает меня Дэо. Хотя не удивлюсь, если перед тем, как соглашаться на

² Свет на Вуре — аналог нашего дня, светлое время суток. Тень — аналог нашей ночи, тёмное время суток, по освещению больше похоже не на привычную нам черноту ночи, а на время между сумерками и полной темнотой. Отсюда и название.

идею с переездом, он узнал об Ангрэме всё, что было в открытых источниках, а когда закончил с ними, воспользовался своим доступом к закрытым. Но я могу часами рассуждать о проектировании и дизайне, поэтому ловлю момент:

— В Ангрэме впервые применили многоуровневую изоляцию. Ну разве не гениально? Пространство между зданиями поделено на уровни: на первом расположена пешеходная зона с озеленением, а выше — зоны для капсов. Причём аэрополотно укладывается так, чтобы между уровнями были просветы и воздух свободно проникал вниз. Всё это оснащено скрытой системой охлаждения. Говорят, там даже можно почувствовать прохладу. Прямо на улице. Представляешь?

— Не-а. — Дэо ловит мою руку, прижимает её к губам и снова улыбается. От его улыбки становится щекотно под ребрами.

Чёрно-угольная полоса на горизонте занимает всё видимое пространство, будто за ней обрывается реальный мир. Выглядит жутковато.

— Смотри, там Черта́? — я тыкаю пальцем вперёд.

— Похоже на то.

Значит, вот она такая, неприступная граница Ангрэма. Во время войны между республиками никто не смог её преодолеть, хотя желающих было много. Дэо однажды рассказывал, что на башнях по периметру установлено какое-то навороченное оружие, но мне гораздо интереснее поближе рассмотреть саму конструкцию. Я утыкаюсь лицом в стекло и жалею,

что в моих глазах нет встроенной оптики для увеличения.

По мере приближения к Черте неприятное чувство в груди нарастает. Я не склонна к рефлексии, поэтому рыскаю в сумке.

Чтоб тебя!

И как я могла забыть в чемодане «Фру́шарсы»... Моими любимыми шариками можно заесть любую проблему. Я нащупываю какой-то батончик и начинаю жевать.

— Волнуешься?

— С чего ты взял? — Мне совсем не хочется делиться тем, что со мной происходит. Как будто произнеси я это вслух — и нечто тёмное станет материальным. Вырвется на волю и уничтожит всё до последней надежды на счастливое будущее. Поэтому я просто продолжаю работать челюстями.

— Ты даже не посмотрела, с каким вкусом батончик.

Вот же!

Я и правда не посмотрела. Наверное, потому что сейчас не отличила бы шоколад от резины.

— Со вкусом п́иты, — читаю на этикетке я.

Дэо молчит, а в воздухе искрит от напряжения, и только тут до меня доходит:

— Это что-то с Мата, да?

— Да. Питаиуцаиа шиссне...

— Что? — Я не понимаю, что он сейчас прошипел.

— С матанского это переводится как «питающая жизнь».

— А-а-а.

Чтобы как-то сгладить ситуацию, я протягиваю ему батончик, предлагая попробовать, но Дэо отстраняется и качает головой. Я нежно поглаживаю его бедро:

— Ты всё ещё можешь поехать туда, я правда пойму. — Даже не знаю, что сложнее: расстаться с ним неизвестно на сколько или смотреть, как этот упрямец отказывается от своей мечты. Ради меня.

— Я уже всё решил.

Тут нас прерывает механический голос Ви:

— Сто шагов до Черты Ангрэма, приготовьтесь к сканированию.

Я успеваю мельком разглядеть смотровые башни и массивные каменные блоки, из которых состоит Черта. Судя по насыщенному обсидиановому оттенку, их привезли с Даркхóров, горного массива на северо-востоке Грантера.

Наш капс погружается в темноту, а сзади со скрежетом опускается металлический барьер. Точка невозврата пройдена. Мы молча ждём, когда закончится процесс сканирования. Если внутри салона или где-то в строении капса обнаружат угрозу, её тут же устранят. Способ зависит от уровня опасности, но полномочия кирсанов здесь не ограничены. Допускается даже полное уничтожение объекта, о чём нас предупреждали, когда выдавали разрешение на переезд. В памяти всплывает фраза: «Безопасность — один из ключевых приоритетов Ангрэма».

Хорошо, что у нас с собой нет ничего запрещённого. Ну,

не считая моего запаса сладостей, конечно. Хотя, судя по тому, что сканирование капса успешно завершено, их здесь не считают угрозой.

Что ж, моя талия могла бы с ними поспорить.

Ви опускает стёкла, а мы прикладываем указательные пальцы каждый к своему сканеру. Индикатор мигает зелёным, а звуковые сигналы оповещают, что у нас есть допуск на въезд.

— Добро пожаловать в республику Ангрэм, зелёное сердце Союза восьми, — доносится из динамиков женский голос. Защитный барьер перед нами начинает подниматься.

Я не ждала салюта и торжественной музыки, но почему-то совсем не чувствую радости. Не узнаю сама себя. Ну, хотя бы всё прошло быстро. Говорят, раньше люди носили с собой какие-то бумажки и часами могли стоять в очередях, чтобы пройти контроль или попасть в госпиталь.

С ума сойти можно!

К счастью, с появлением биомеханических чипов всё занимает не больше минуты. Если бы не паранойя Дэо, давно поставила бы чип и в висок.

Набки, начиная с двенадцатого поколения, совместимы с этими чипами. Единственное, что меня останавливает, — запрет этого старовера... Но он подкупил меня, подарив на праздник рождения одиннадцатый, сделанный по индивидуальному заказу. Такой есть лишь у меня. Я прикасаюсь пальцами к изящным изгибам над линией бровей, не удержива-

юсь и в очередной раз смотрюсь в зеркало.

— Опять любишься?

Я слышу по голосу, что Дэо улыбается.

— А то.

Как не любоваться? В сплав добавлена примесь кристона, поэтому на свету обод наока немного мерцает. У встро-енных очков дополненной реальности линзы с радужным градиентом, хотя обычно они однотонные — с неоновом-голубым отливом, как у Дэо. Стёкла очков придают моим гла-зам какой-то фантастический оттенок. Я до сих пор не подо-брала ему название, хотя увлекаюсь колористикой и отлично ориентируюсь в цветовой палитре. Подмигиваю собственно-му отражению.

Знает же, что я теперь ни за что не променяю эту красоту на двенадцатый. С громким «чмок» целую Дэо в щёку. Он, довольный собой, ухмыляется.

— Расчётное время до пункта назначения — тридцать пять минут, — звучит голосовое уведомление Ви.

Что ж, осталось совсем недолго. Я откидываюсь на спинку кресла.

Я открываю глаза и понимаю, что задремала.

Дэо в своей стихии, мастерски маневрирует в потоке кап-сов. Мало кто может — а тех, кто хочет, ещё меньше — сдать серию трудных тестов для получения доступа к ручно-

му управлению капсом, где нужны молниеносная реакция, знание особенностей строения техники и ещё куча всего. В такие моменты я втайне им горжусь, но никогда не признаюсь в этом, потому что тогда точно не смогу убедить его хоть иногда использовать автопилот.

За окном мелькают однообразные малоэтажные строения, не больше этажей двадцати, изредка вспыхивают вывески пунктов выдачи питания, а вдали пыhtят громадины заводов и фабрик, окрашивая всё вокруг в аспидно-серые тона. Судя по обстановке, мы где-то в Сёрне.

— Проснулась? — мягко спрашивает Дэо, бросая на меня взгляд.

Мои волосы не отличить от комка безжизненных стеблей, которые ветер перекатывал по равнине ещё час назад, глаза припухли, а в уголке губ, к собственному позору, я чувствую слюну, но этот непостижимый человек смотрит на меня, примерно как я на модель Замка вечности, когда впервые её увидела.

Я максимально незаметно провожу рукой по губам, собираю волосы в хвост, расправляю плечи так, что ткань костюма на груди натягивается, и закидываю ногу на ногу. Пусть любит. Хотя, чтобы Дэо отвлёкся от аэрополотна дольше, чем на секунду, нужен как минимум атомный взрыв, а лучше какая-нибудь зверушка с Мата. Вместе они наверняка отлично провели бы время.

— Пока мало похоже на экореспублику, да? Мы будто ни-

куда и не уезжали. Может, пока я спала, ты передумал и решил вернуться? — пытаюсь выдавить из себя смешок.

— Подожди, мы ещё не были в центре. Только подъезжаем к Орану, видишь?

Действительно, уже темнеет, и впереди можно рассмотреть яркие огни Орана — сектора развлечений, отделяющего северную часть Зилана от Серны.

— Да... Знаешь, сектора Ангрэма, если смотреть на них сверху, чем-то напоминают мишень с Бэлтом в самом центре.

Мне до сих пор не верится, что мы едем именно туда. В сектор для высшего общества Ангрэма... Туда, где живут представители совета и выдающиеся учёные республики. К счастью, в их число входит и мой невероятный мужчина.

— Не думал об этом, но, пожалуй, ты права.

Оранга всё быстрее теряет цвет и уменьшается в размерах. Воздух густеет, наполняясь тенью, и я, сама того не ожидая, спрашиваю:

— Всё же будет хорошо?

— Обязательно, Лисёнок. — Дэо находит мою ладонь и сжимает. Его голос как доза успокоительного. — Приедем, наденешь свои жёлтые туфли, ну, от которых ещё можно получить ожог сетчатки. И пойдём, куда захочешь.

Нервно смеюсь. Да, мои люминесцентно-жёлтые туфли от Ивэра справились бы даже с затяжной депрессией, у пустой тревоги — ни шанса. Да и до хорошо освещённой, полной

шального веселья зоны Орана уже рукой подать.

— Ты знаешь, куда я хочу. Но впервые Замок вечности я должна увидеть при свете. Говорят, в лучах оранги он переливается, как слёзы Хранителя, и ни один человек не способен дольше пары секунд смотреть на его великолепие.

В моём наушнике звучит уведомление наока:

— Голосовой вызов от Дарлы, принять?

Я усмехаюсь. Хотя я и обещала показать ей всё после прибытия, моя подруга всё-таки не вытерпела и послала мне вызов первой, но она как нельзя кстати. Сейчас я только рада отвлечься и скоротать время за болтовнёй.

— Да, давай, — отвечаю я.

— Ты мне? — спрашивает Дэо.

— Нет, Дарла... — я не успеваю договорить и теряю мысль, потому что Дарла уже тараторит мне в ухо:

— Вы уже в Ангрэме? Там всё такое зелёное, как показывают? Уже проезжали парки? Покажи, где будете жить? А в этом Билте правда все ходят в белом?

— Не так быстро, я же не успеваю отвечать, — улыбаюсь я. — Не Билте, а Бэлте, и мы ещё не там. Пока всё выглядит совсем обычным, смотри. — Активирую трансляцию со встроенной в наок камеры, и теперь Дарла может видеть то же самое, что и я.

— Э-э-э, не хочу тебя расстраивать, подруга, но как будто ради этого не стоило тащиться в другую республику... Неужели всё враньё и даже зелени на домах нет?!

Я принимаю её запрос на трансляцию, стёкла очков темнеют, а потом вместо серых, одинаковых, словно откопированных ленивым художником, домов Серны я вижу образ, который отправила мне Дарла.

Сначала с высоты птичьего полёта передо мной открывается большой парк с аккуратными, проложенными камнем дорожками, а потом все деревья, словно пушинки, сдувает сильным ветром, и на оставшемся вместо них пустыре появляется огромная прыгающая по дорожкам рожица. Она издаёт звук: «пуа-пуа-пуа». Я посмеиваюсь, но выходит как-то не очень искренне.

Напряжение так и не отпускает, к тому же я в очередной раз жалею, что через наоки прошлого поколения нельзя передавать мыслеобразы. Правда, если бы я могла сейчас отправить свой, Дарла увидела бы тяжёлые, словно впитавшие в себя мрак тучи, которые затягивают небо и поглощают последние лучи оранги. Кажется, что от собственной тяжести они вот-вот обрушатся на наш с Дэо капс.

Стёкла наока вновь становятся прозрачными, и я вижу дорогу. Мы приближаемся к перекрёстку.

— Ещё не доехали... Видишь огни впереди? Только подъезжаем к Орану.

Боковым зрением я замечаю впереди резкий манёвр одного из капсов. Приглядываюсь и цепенею от ужаса. Нам наперерез несётся мрачно-фиолетовый грузокапс. По правилам полётов эта махина должна уступить, но не похоже, что её

интересуют какие-то правила. Вдох. Выдох. Фиолетовая громадина всё ближе. Я слышу, как Дарла сбивается, а потом говорит ещё громче и быстрее, но не разбираю слов.

Мою жалкую попытку предупредить Дэо заглушает затяжной сигнал капса сзади. Дэо бросает взгляд на трансляцию с камеры заднего вида. Может, возникла какая-то опасная ситуация? Вряд ли более опасная, чем надвигающаяся на нас катастрофа. А может, пассажиры того капса, как и я, пытались её предотвратить. Уже неважно.

Голос Дарлы обрывается на полуслове. Наок уведомляет о том, что мой пульс зашкаливает, а потом в наушнике звучат адреса ближайших госпиталей.

— Показать адреса госпиталей на карте?

К тёмным духам твои адреса!

Мышцы сводит от напряжения, ногти вспарывают обивку салона. Язык не слушается. Несущийся на запредельной скорости грузокапс тоже не издает ни звука. Зато со стороны Дэо, будто издалека, до меня доносятся щелчки по панели управления, обрывки ругательств, голосовых команд, глухой удар.

Я не могу оторваться от окна. Секунды до столкновения растягиваются в целую вечность. Кажется, все прошлые двадцать четыре цикла моей жизни пролетели быстрее, чем это мгновение. У меня нет шансов. Удар придёт на мою сторону. Как загипнотизированная, смотрю в глаза смерти, они — люминесцентно-жёлтые.

Как мои туфли.

Первый капс, попавшийся ему на пути, пытается затормозить и с холодящим моё нутро хрустом лишается передней части корпуса. Второй, пассажирам которого везёт меньше, — от удара скукоживается и размазывается по его капоту. Делаю вдох в ожидании неминуемого. Наш капс ведёт правее, двигатель ревёт на пределе своих возможностей, но нельзя остановить неизбежное.

— Лис, держись! — кричит Дэо.

И я держусь. Держусь за обивку так, что костяшки пальцев белеют. А потом мир погружается во мрак. Не в привычный сумрак тени, а глухую засасывающую черноту.

Перед глазами проносятся кадры, как в фильмах ужасов. Будто издалека, я вижу, как наш капс — точнее, то, что от него осталось, — вылетает за границы аэрополотна. Груда металла прокручивается в воздухе и обрушивается на пешеходную зону. Те, кто успел, бросаются прочь. Успели не все. Следующий кадр: Дэо без сознания, его жемчужно-золотистые волосы стали тёмно-алыми, как и всё вокруг. В воздухе висит звенящая тишина, а в ней зловещее «кап», «кап», «кап».

Приближаются голоса, но моё «помогите!» тонет в пустоте. Я трепыхаюсь в своём бессилии, пока меня не охватывает единственное и самое важное желание.

Хочу, чтобы мой любимый жил.

Я прикасаюсь к его коже порывом ветра, наполняю его

лёгкие, ещё и ещё.

Живи!

Чувствую его дыхание, а потом всё исчезает.

РЕСПУБЛИКА
АНГРЭМ

р. Сіна

Чёрна

Зилан

Бэлт

Оран

Кірос

Сёрна

Черта

Глузо

Шахта

Джеррайя

Вур, материк Мата

Я стараюсь двигаться бесшумно, но каждый мой шаг сопровождается мягкий шорох, переходящий в отвратительное хлюпанье, когда подошвы касаются земли.

Мерзость. И откуда в такую жару влага в растениях...

Мог ли я ещё несколько циклов назад представить, что буду в одиночку бродить по джунглям Мата, да ещё и выслеживать подсакивающих от страха глупых птиц? Хмыкаю.

Это вряд ли.

Но захочешь мяса — и не на такое пойдёшь. От сладкой мякоти пѣты уже воротит. Стоит про неё вспомнить, я замечаю совсем рядом знакомое свечение и плетусь к огромному дереву с неровной, будто «поплывшей» от смолы корой.

Подойдя ближе, я карабкаюсь вверх по корням. Рядом с некоторыми из этих корней мой бицепс уже не кажется таким внушительным, хотя отличная форма, пожалуй, один из немногих плюсов пребывания на Мата. Я жду не дождусь возвращения в Ангрэм, уж там можно будет покрасоваться перед девчонками.

Если не отъежусь так, что перестану видеть всё, что пониже живота.

Не знаю, по чему я скучаю больше, по женщинам или еде, которую, чтобы съесть, не нужно часами выслеживать в

джунглях, да ещё в таком пекле. Даже тенью здесь поджаривает так, что по вискам струится пот.

Перевожу взгляд выше, ствол питы, как и я, «потеет». Правда, более красиво. Я собираю ещё не успевшую затвердеть светящуюся массу, похожую на жидкий янтарь.

И кто додумался назвать смолу соком?

От этого её вкус всё равно не становится лучше. Стоит только вспомнить густую массу, напоминающую пересахаренный сироп, как хочется сплюнуть. Порой она застревает по пути в желудок, и приходится несколько раз глотать, чтобы протолкнуть её дальше. Да и собирать её — то ещё удовольствие... Но некоторые правила не стоит нарушать.

В моей голове звучит, пожалуй, единственная часть инструктажа, что я запомнил.

Если не хотите сгореть заживо, запомните эту мерцающую жижицу. Сок питы снижает температуру тела и позволит вам добраться до укрытия, даже когда оранга начнёт набирать цвет. В первые часы тени сок застывает, поэтому, как только заметите дерево, собирайте сок, часа через три собирать будет уже нечего.

Набрав термос, я спускаюсь на землю. Надо мной, высоко на ветках, болтаются два продолговатых плода. У них пухлая середина и волнистые края. Судя по белёсому оттенку, эти уже спелые.

Лишь бы не упали.

Я чувствую порыв ветра и делаю шаг в сторону. Получить

такой штуковиной по голове — та ещё радость. При падении кожура наверняка бы треснула, мякоть забрызгала всё вокруг, а пока я в отключке, сбжавшееся на шум зверьё отлично подкрепилось бы человечинной под питовым соусом.

Впереди как раз валяется расколотый надвое плод. Я не удерживаюсь и пинаю одну из его половин. Она с треском разваливается на части, а мой ботинок проходит сквозь кожуру и склизкую мякоть.

Ну какого змётера...

Сверху на меня недовольно орёт какая-то мелкая птица, больше смахивающая на жука-переростка, и улетает прочь.

Только теперь я замечаю, что остатки плода усыпаны шевелящимися тёмными точками. То ли муравьи, то ли личинки...

Бр-р-р!

В темноте даже с сумеречным зрением особо не видно, а знакомиться ближе с очередными местными букашками мне совсем не хочется. Приходится еще минут пять возить ботинком по земле, пока эти ребята, кем бы они ни были, не заползли под костюм и не искусали меня. Когда я заканчиваю, одна моя нога из-за налипшей на ботинок зелени впере-мешку с грязью смахивает на волосатую стопу лесного духа.

Миленько.

Мауэнииа верит, что они живут в этом лесу, и если это правда, то их ноги должны выглядеть именно так.

И зачем он отправил меня «слушать лес» в одиночестве?

Если меня кто-нибудь сожрёт, я сам стану лесным духом и буду пугать его до конца жизни. Хотя он-то считает, что я не один, если отправил со мной свою гигантскую ящерицу, только стоило нам зайти в джунгли, как шипастый хвост асуна скрылся за первыми же кустами.

Без особого старания я осматриваю корни. Я так нашумел, что, даже если здесь есть норы, их обитатели уже давно могли улизнуть.

Я отправляюсь дальше, гадая, сколько придётся искать следующее дерево. Питы разбросаны по джунглям настолько хаотично, что с одинаковым успехом можно через пять минут наткнуться на целую питовую рощу, а можно бродить несколько часов в поисках одного-единственного дерева, в корнях которого к тому же не окажется ни одной норы.

Сейчас, когда я один, темнота воспринимается острее. Она кажется густой и плотной. В Ангрэме в это время повсюду горят огни, а здесь нельзя даже включить фонарик, чтобы не привлечь хищников. Я уже забыл, как это — просто гулять и видеть мир в лучах оранги, а не прятаться от них, как каким-то кротам, под землёй.

Интересно, здесь тоже водятся кроты?

Хотя, пожалуй, для Мата они слишком нормальные. Может, эти, как же их... Мы ещё охотились на них первое время... Шухчи! Или шкучи... и есть местные кроты? И, чтобы выжить в таком пекле, они и обросли крупной чешуёй.

Чешуи у швохчей больше, чем мяса, — пока освежаешь,

снова пора на охоту. Охотиться на них мог додуматься только наш горе-специалист по Мата, Траус. Толку от него, как от наоков в аномальной зоне, и, следуя его советам, мы ещё ни разу не вернулись с нормальной добычей.

Я долго таскался, хотя скорее носился, за Мауэнииа, прежде чем тот согласился обучить меня основным принципам охоты. Переползаю по сросшимся в спутанный клубок лианам. Хватаюсь за них, надеясь, что они выдержат мой вес и мне на голову не свалится какая-нибудь ядовитая дрянь.

Порой кажется, что матаны терпят нас только из-за Учителя, его даже они считают избранным. Ну а остальным чего-то добиться от этих гигантов практически невозможно. Обычно они делают вид, что ничего не видят и не слышат, только при этом недовольно шевелят нижними ушами. Когда Мауэнииа не выдержал и согласился меня учить, я станцевал ему ритуальный танец победителя. Тот, конечно, не оценил, но, по-моему, вышло отлично.

Повторив пару особенно удачных движений, я продвигаюсь дальше. Асуп, который должен был стать моим напарником на этой охоте, так и не появился. Мауэнииа обещал, что, когда я позову его, он сразу покажется. Вроде асупов ещё детёнышами обучают командам, а у таких, как мой, нет хозяина, и они привыкают слушаться любого члена племени.

Остаётся только надеяться, что у асупов нет расовых предубеждений. Потому что с нами возится племя сапатов, и все они зеленокожие, а я похож на них так же, как голубь

из республик — на местного пеку́на.

— Эй! Ты тут? — шепчу я.

Никого не видно. Асуп либо игнорирует меня, либо просто не знает наш язык.

У матанов большая часть звуков шипящие. Сначала ничего не разобрать, но постепенно привыкаешь. И если Мауэнииа как-то понимает меня, то и асуп уже должен был привыкнуть к нашей речи. Мауэнииа вообще общается с асупами так, словно они разумные и всё понимают не хуже людей, ну или матанов.

Заметив впереди бугристый ствол, я чуть не подпрыгиваю от радости и ускоряюсь. Пита.

Джеррайя скоро отведаст мяска.

Я обхожу куст с шипами в палец длиной. Пригибаюсь, чтобы не пробираться сквозь ветки соседнего дерева, в плечи впиваются лямки рюкзака. За ветки можно и зацепиться закреплённым на рюкзаке арбалетом. В аномальной зоне Мата привычное нам оружие — всё равно что детские игрушки. Носить такое можно разве что для красоты, поэтому остаётся только терпеть.

В лицо лезут дырявые листья каких-то растений. Я кромсаю их мачете. Чем ближе к питам, особенно крупным, тем гуще становится лес. Широкие кроны прячут расползающуюся на уровень ниже кустистую мелочь от лучей oranges. А там, где больше растений, больше и насекомых. Именно ими любят полакомиться обитатели нор. По крайней мере, так

говорил Мауэнииа. Он советовал искать норы пекунов в корнях пит или где-то неподалёку.

Что ж, здесь они точно должны быть. Эта пита такая огромная, что, даже если бы я раскинул руки в стороны, не смог бы обхватить и половину ствола. Его неровная поверхность уже потемнела, а я ещё не добыл ни одной птицы.

Пока не приехал на Мата, думал, птицы живут в гнёздах. Но пекуны, похоже, не в курсе, что так можно, поэтому предпочитают норы этих шыхчей, название которых я всё время забываю.

Я осторожно переступаю через торчащие над землёй корни и пытаюсь разглядеть хотя бы одну нору. Их должно быть две-три, чтобы в случае опасности у их обитателей было несколько путей отступления.

Около меня повреждённый мах. Даже не верится, что когда-то давным-давно здесь рос обычный мох, но из-за невыносимой жары и местного фона он изменился, как и другие растения, и теперь мы называем его на матанский манер «мах». Его коврики с жёстким ворсом раскиданы здесь повсюду: по камням, земле и корням.

Я опускаюсь ниже, вспоминая мягкий влажный мох, который трогал, когда Учитель в детстве водил меня на экскурсию в пещеры под Ангрэмом.

Ничего общего.

Аккуратно сдвигаю шершавые плотные волоски, под ними нора и следы когтей.

О-о-о да!

И кто тут великий охотник?

Джеррайя — великий охотник!

Неподалёку нахожу камень подходящего размера, им я прикрываю нору и продолжаю поиски.

Держитесь, пернатые!

Я закрываю вторую нору. Поиски третьей затягиваются, зато, после того, как я её нахожу, уже не сомневаюсь, что других нор здесь нет. Её я оставляю открытой. Карабкаюсь по стволу питы, пару раз приклеиваясь пальцами к нему в местах, где сок выделялся особенно обильно и ещё не до конца затвердел. Устраиваюсь на самой надёжной ветке. Она немного прогибается под моим весом, и на землю с грохотом валится белёсый плод.

Сожри тебя зметер!

К счастью, из норы никто не выскакивает, и я смахиваю выступивший на лбу пот. Заряжаю арбалет и замираю, прислушиваясь.

А что, если пекунов внутри нет или асуп уже давно вернулся в лагерь?

Минут через десять, когда сок питы стал настолько тёмным, что полностью слился с поверхностью ствола и, похоже, закаменел, а я уже попрощался с мыслями о жареном сочном мясе, раздаётся шорох снизу.

Ха! Я тебя слышал, пернатый.

Я пытаюсь пошевелить затёкшей рукой. При долгом ожи-

дании не спасает даже облегчённая конструкция. Активирую автовзвод и снимаю арбалет с предохранителя. Выпущенный из арбалета болт с лёгкостью пробивает даже костяной панцирь зметера, так что, если я хотя бы раз попаду в пекуна, ему не выжить. Осталось попасть.

Как и остальные, перед поездкой в эту глушь я прошёл курс стрельбы из арбалета. Только стрелять по каким-то нарисованным кружкам — это одно, а в реальном мире всё скачет, летает или несётся от тебя прочь, стоит только коснуться приклада. Хотя... лучше уж прочь, чем на тебя. Здесь и охотник может в любой момент стать добычей.

Я трижды щёлкаю языком по небу, особо не веря, что асуп услышит меня и появится.

Но через пару ударов сердца у корней грациозно приземляется выпрыгнувший из-за кустов неподалёку огромный ящер. Местные используют их для охоты и сражений. Как и у других мантэл, у асупов вокруг шеи и чуть ниже по спине болтаются чешуйчатые кожаные складки, в честь которых называли укороченные плащи, так популярные сейчас в республиках.

Пока зверь подходит к оставшейся открытой норе, на его спине под чешуей перекачиваются мышцы. Он опускает голову, приняюхиваясь, шипы на спине приподнимаются, и в один прыжок ящер оказывается у входа в нору.

А потом он шипит, и вокруг его головы поднимается кожаный капюшон. Мощные лапы стремительно разрывают

нору. Мауэнииа сказал, что из-за этого пекуны паникуют и в отчаянии бросаются к единственному доступному выходу. Навстречу своей смерти.

Что и происходит. Я слышу снизу пронзительный клёкот, асуп отпрыгивает в сторону, а из норы выпрыгивает пузатая тёмная птица. Она приземляется на длинные кожистые лапы с тремя когтистыми пальцами, отталкивается и подпрыгивает шага на три вверх.

Кровь долбит в ушах. От волнения не сразу удаётся прицелиться. Выпускаю первый болт, но он лишь задевает распушённый хвост. Безумное пернатое создание взвизгивает, судорожно машет короткими крыльями и скачет с предельной скоростью, создавая вокруг себя шум и суету.

Ах ты прыгучая истеричка, стой!

Я целюсь выше, но болт пролетает прямо над её нервно двигающимся хохолком, который отлично просматривается в прицел. Ещё раз. Спуск. Выстрел. Отдача. Опять мимо.

Не успевает клекочущая встрёпанная птица в очередной раз оттолкнуться от земли и скрыться из виду, как лезвие мачете сносит ей башку. Длинный язык выпадает из вытянутого, с белой полосой на внутреннем крае клюва. Из-за этой полосы порой кажется, что у пекуна напылены губы.

Я сползаю с ветки и плетусь к Мауэнииа.

— Атфхыатитеуэна! — шипит на меня этот гигант с зелёной чешуйчатой кожей, правда, сейчас она кажется серой. Я едва достаю ему до плеча, хотя в республиках мой рост

считается высоким.

— Да ладно тебе, Мауэнииа, ну не прям отвратительно! Я же почти попал.

— Ахатник хутшихи, — не соглашается Мауэнииа. У матанов помимо своеобразного произношения ещё и иной порядок слов.

— Эй, ну чего худший-то? Можно подумать, у тебя сразу начало получаться... — Его светящиеся жёлтым глаза смотрят на меня так, что я понимаю: он родился с мачете в руке и крошил пекунов с тех пор, как научился ходить.

Он протирает мачете и убирает его в ножны, закреплённые на набедренной повязке. Щёлкает пальцами, и асуп тут же подходит к нему. Я складываю тушку пекуна в герметичный пакет и бросаю в рюкзак. Запах крови может привлечь хищников.

Я пытаюсь вытащить болт, застрявший в одном из стволов, пока Мауэнииа меня отчитывает.

— Пхыапуссиуэ несскауэека нахы, — начинает перечислять он.

— Да не было там других нор!

Мауэнииа злобно шевелит нижними ушами, словно я пропустил по меньшей мере сотню нор. Нижние уши матанов подвижнее и крупнее верхних, но такие же заострённые и в спокойном состоянии торчащие наверх, словно продолжают линию скул. Если Мауэнииа злится, они сразу приходят в движение.

— Шумеуэ, — продолжает он. Тут даже спорить глупо, сам знаю, что шумел. — Фиэссишифауэ на фетке, путта ус-снууэ.

— Ничего я не высиживал и не уснул, я пытался услышать, есть ли кто в норе!

— Асуп тепе ссачем?

Я подозрительно кошусь на развалившегося неподалеку ящера. Не дождавшись ответа, Мауэнииа продолжает меня отчитывать:

— Тхыиэкхауэссиа.

— Сам ты дрыгался! Это был танец найденной норы, вам, варварам, не понять.

Мауэнииа презрительно шипит, мол, кто из нас ещё варвар. Выдвигаемся к лагерю. Эта зелёная гора мышц весит раза в два больше меня, а двигается так же бесшумно, как и асуп. Ящер не отходит от Мауэнииа дальше, чем на пару шагов, лишь периодически останавливается и принюхивается.

— Ты лучше скажи, что сделать, чтоб пекуна подстрелить? Скачет ведь как ужаленный. Лучше б летал, попасть и то проще.

— Тумахи на тфа шакха фпехыет иуэи фиэпхыасси сстхы-еуэиауэку ссфайу. — Мауэнииа этой тенью красноречив настолько, что до меня не сразу доходит смысл такого длинного предложения. Кажется, это было что-то вроде: «Думай на два шага вперёд или выброси свою стрелялку».

— Легко сказать «думай».

— Не хочеше тумате — хыупи. — Он касается пальцами мачете.

— Когда эта зверюга дышит в спину, до сих пор не по себе, — я кошусь на асупа, — хочется не рубить, а удирать вслед за пекуном. Да побыстрее.

Асуп высокомерно шипит, будто всё понимает.

Вертикальный зрачок в глазах Мауэнииа, как обычно во время тени, стал шире. Глаза матанов вообще больше напоминают глаза асупов — правда, без третьего века, — чем глаза людей.

— Мауэнииа, а вы различаете цвета?

Он смотрит на меня, как на ребёнка, который задал глупый вопрос.

— Канечна хыассуэичаем.

— О, а какого цвета эти цветы? — я тыкаю пальцем в сторону светящейся справа пыльцы. Она светится так слабо, что цвет лепестков для меня остаётся загадкой, я вижу лишь их чёткий контур.

— Аткута ш мне сснате.

— В смысле откуда знать, ты же говоришь, что различаете!

— Ссехичасс темна. — Он смахивает мачете какую-то змею, что сидела на ветке прямо передо мной. Та шипит и быстро скрывается в кустах.

— Фух, не заметил. А что темно, я и без тебя вижу, я думал, вы и во время тени цвета различаете...

Он сначала молчит, но через десяток шагов спрашивает:

— А у уэиутехи фа фхыемиа ахат пачему кхуэасса сстхы-анниэе?

— Почему у нас глаза странные во время охоты? Странные — ты ещё мягко сказал... Я, когда в первый раз увидел, чуть не обделался. Это в лабораториях «Виттала», не, это я не объясню. В общем, дома у нас, далеко, — машу рукой в ту сторону, где, предположительно, находятся республики, — учёные... то есть умные мужики, изобрели такую штуковину, которую тебе вкалывают, а потом в темноте лучше видишь. Цветов тоже не видно, ну, если, конечно, фонариком не осветить, ну или как у тебя сейчас: глаза сами светятся и цвет видно. Но в целом глупо жаловаться. Правда, нас не предупреждали, что зрачок может растекаться по глазу настолько, что потом кажется, что глаза чёрные. А ещё, если смотришь долго на что-то белое или жёлтое, голова болеть начинает.

Я потираю виски. Но, пожалуй, даже знай я о побочках заранее, не отказался бы от сумеречного зрения. Оно хотя бы позволяет вовремя — ну или почти вовремя — реагировать на опасность. Правда, даже это порой не спасает.

Ещё бы вторую пару ушей, как у матанов, чтобы так же хорошо слышать... Но то ли не изобрели ещё нужного мутагена, то ли решили сохранить нашу природную красоту — количество ушей у нас осталось неизменным. Хотя, я думаю, мне бы пошло. Представляю, как загадочно шевелил бы ими,

приманивая девчонок.

По дороге Мауэнииа мастерски обезглавливает ещё нескольких пекунов. У них с асупом на каждого уходит не больше нескольких минут. Мауэнииа закрывает норы камнями, асуп выманивает, а потом испуганная птица встречается с мачете Мауэнииа. Эта встреча становится последней в её жизни. Каждый раз после этого Мауэнииа тщательно протирает лезвие и наручи от брызг крови.

Интересно, что из одежды у матанов-мужчин нет ничего, кроме набедренных повязок, зато на каждом предплечье по массивному кованому наручу с витиеватыми узорами, а их сапоги обычно заканчиваются острыми металлическими пластинами, закрывающими колени. Мауэнииа при мне ещё ни разу ими не пользовался, но я легко могу представить, как острый конец пластины пронзает горло решившего напасть на него хищника.

Мы проходим колючий куст, один в один, как тот, что мне попадался раньше, Мауэнииа собирает с него горсть ярких ягод, я хочу последовать его примеру, но он останавливает:

— Иат!

— Да что у вас за земля такая! Куча всего растёт, но что для вас — еда, для нас — яд... — Это происходит уже не в первый раз. Практически всё здесь, кроме сока питы и её плодов, ядовито для людей.

Впереди виднеется отблеск света и округлый силуэт Али, дежурящего на входе в станэи. Этих подземных лабиринтов

на Мата огромное количество.

Светов десять назад, чтобы расширить круг поисков, мы перебазировались в центральную часть материка, но станэи здесь мало чем отличаются от тех, что расположены на западе или востоке. Просторные ходы с высокими потолками, стены которых покрыты различными оттенками соли, за что местные и прозвали их «снешниэе танеуэи» или «снежные тоннели».

— Как охота? — спрашивает Али.

— Пять пекунов, — отвечаю я, а он уже потирает руки в предвкушении.

За время экспедиции Али, в прошлом повар одного из членов совета, сбросил ниртов³ десять веса, так что костюм на нём уже болтается. Но, несмотря ни на что, он мужественно переносит все тяготы и лишения полевой жизни.

Мауэнииа, как и всегда, соблюдает свой ритуал. Не проходит внутрь пещеры, а сначала наклоняет голову и молчит. Если верить словам Трауса, сейчас он мысленно просит разрешения войти у местных духов. Но правду сказал Траус или нет, неизвестно, потому сам Мауэнииа игнорирует мои вопросы.

Тем временем асуп залазит в свою нору неподалёку от входа в станэи. В том месте всю землю словно изрешетил се-

³ Самой распространённой мерой веса для республиканцев считается нирт. Название пошло от одноимённого плода дерева, который похож на не очень крупный кокос. В нашем мире соответствует весу около килограмма. Тыснирт — тысяча ниртов.

рией выстрелов какой-то слетевший с катушек великан.

Мы проходим внутрь. В станэях горят фонари, которые во время света заряжаются от лучей оранги. Я чувствую, как зрачки принимают привычную форму. Побочный эффект сумеречного зрения — жуткий вид глаз. Когда с наступлением тени мы выходим из станэй, я предпочитаю смотреть в глаза только матанам, потому что с полностью чёрными глазами братья похожи на тёмных духов.

В небольших углублениях, заменяющих нам комнаты, сидят братья. Многие уже успели вернуться с заданий. Мы не рискуем и стараемся возвращаться за час до того, как оранга начнёт набирать цвет. Из-за её близости даже матаны с их мутировавшей, больше похожей на змеиную кожей стараются не покидать станэй во время света.

Мауэнииа уходит к своим. Матаны стараются держаться от нас на расстоянии и расположились дальше всех от входа. Мы для них слишком шумные, поэтому, когда я говорю с Мауэнииа, постоянно одёргиваю себя и стараюсь говорить раза в два тише, чем обычно. Иначе он бы вряд ли согласился возиться со мной. Но в станэях достаточно ходов и тупиковых участков, чтобы места хватило всем.

Мы с братьями обмениваемся новостями, параллельно разделявая пернатые туши и нарезаая мясо на полоски. Под лучами оранги они быстро зажарятся. Главное, вовремя убрать, а то вместо сочного мяса останутся лишь угольки. Пару раз я отвлекался и забывал про них, поэтому теперь за

процессом приготовления следит Али.

Закончив с мясом, я ополаскиваю руки водой из ведра. Спасибо подземному озеру — у нас хотя бы нет проблем с пресной водой. Датчики показывают, что здесь она вполне пригодна для питья. Учитывая, что мы перебрались в эту часть материка светов десять назад и до сих пор никто не умер, датчики не врут.

Когда во время вылазок в месте, где мы разбиваем лагерь, нет пресных источников, единственное, что остаётся, — давиться сладким соком питы. Его потом страшно хочется чем-то запить, так что озеро — одна из причин, почему лагерь находится именно здесь.

Хотя наличие пресной воды и возможности ополоснуться не мешает постоянно мечтать о душе. Вот вернёмся, и буду стоять под ним часами, а потом за воду прилетит такой счёт, что Учителю придётся продать часть своих акций, чтобы расплатиться.

— Слышали? Говорят, Учитель хочет двигаться дальше на север... — шепчет Адрен.

С нашей первой экспедиции в Пустошь Ниртоса он сильно изменился. Сейчас от холёного эксперта по кочевым племенам со смуглой кожей, нежными, какими-то девичьими руками и неестественно натянутым, как маска, лицом, на котором грусть и радость выглядели одинаково, не осталось и тени. Его кожа стала бледной, впрочем, не только у него, на руках она загрубела и покрылась мозолями, а в уголках глаз

то и дело собираются морщины.

— Э, а разве не там эти, как их... симихены? — спрашивает Наур. У него такой огромный нос, что все прочие черты на его фоне теряются. Он прибыл к нам совсем недавно.

— Сефехены, — поправляет его Адрен. — Я, конечно, лучше разбираюсь в этносах Грантера, чем Мата, но не нужно быть экспертом, чтобы знать, что это крайне враждебное к людям племя.

Наур с громким звуком вдыхает, отчего его нос становится ещё больше. По пространству вокруг перекатываются шепотки.

Услышав знакомые слова, к нам подсаживается Траус, достаёт трубку, сделанную из затвердевшего сока питы, утрамбовывает в неё перетёртые листья. И их, и саму трубку он обменял на что-то у сапатов. Племена давно торгуют с людьми, и в обмен на алкоголь, ткань или что-то, приглянувшееся конкретному матану, можно получить много полезных вещей. Только Траус и несколько других братьев предпочли им вот эти дымящие палочки.

Интересно, почему застывший сок питы от огня снова не плавится?

— Сефехены — краснокожие матаны, — выдувая изо рта дым, начинает своим гнусавым голосом читать нам лекцию Траус. Его острый подбородок подрагивает, как и голос. — Исторические факты свидетельствуют о том, что они враждебны не только к людям. Чего стоят их набеги на другие

племена с целью захвата новых территорий. Эти набеги не прекращались до тех пор, пока другие племена не объединились и не прогнали их обратно на север. Сейчас установился мир, но любое вторжение к сефехенам может привести к возобновлению конфликта.

— А чего они не зелёные, ну, как наши? — уточняет Наур, очевидно «нашими» называя племя сапатов, которое нас сопровождает.

— Есть разные теории, объясняющие, почему кожа у племён разного цвета, — поясняет Траус, а потом делает затяжку и выпускает дымное облако. Этот дым отвратительно воняет.

— К основным предпосылкам относят закрытый образ жизни, местный фон и климатические условия, что отличаются в разных частях материка. — Траус опять медленно затягивается, словно наслаждаясь всеобщим вниманием к собственной персоне. Чтобы не вдыхать очередную порцию зловонного дыма, я решаю немного размяться. Встаю.

— В общем, природа от души оторвалась на матанах, — Адурен прерывает не успевшую толком начаться лекцию Трауса. — Только, зная, на что способны сапаты, — все мы видели, как они справляются с местными хищниками, — как член отряда я бы предпочёл никогда не встречаться с сефехенами. Если они не жалуют своих собратьев, что уж говорить о нас? Кто знает, переживём ли мы эту встречу... Но как учёный я бы не отказался понаблюдать за ними с без-

опасного расстояния.

— В этой дыре вообще существуют «безопасные расстояния»? — спрашивает Наур и громко швыряет носом.

Безопасных расстояний здесь и правда не существует, но страх делает нас ещё более уязвимыми, поэтому, отворачиваясь от очередной порции едкого дыма, я решаю вмешаться:

— Боялись ли вы сапатов, когда их впервые увидели? — Я смотрю на собравшихся. — Учитель как-то договорился с ними, и теперь они сопровождают нас и позволяют ездить на выдрессированных ими ящерах. Мог ли кто-то из вас представить, что в аномальной зоне под Ангрэмом, где, как и здесь, не работает нормальная техника, станет возможной добыча кристония?

Со всех сторон доносятся одобрительные возгласы:

— Мальчишка прав!

— Дело говорит!

А я продолжаю:

— Учитель сам участвовал в проектировании шахты, и сейчас там самое разработанное месторождение кристония на планете. Я могу перечислять ещё долго. Лучше скажите, знает ли кто-то из вас хотя бы один неверный шаг, который совершил Учитель?

— Не было такого, — Адрен опускает голову, словно устыдившись своих сомнений.

«Не было», «не было», — эхо голосов разносится по станэям.

— Если Учитель скажет, я и к сефехенам пойду, и к самим тёмным духам. С ним говорит Владыка, и лишь он знает истинный путь. — Я ещё раз обвожу взглядом присутствующих и добавляю: — Наша плоть слаба, наш разум полон сомнений, но сила наша в нашем бесстрашии.

— Наша плоть слаба, наш разум полон сомнений, но сила наша в нашем бесстрашии, — вторят мне не меньше десятка голосов.

АННЭТ

Вур, материк Грантер

За дверью гремит музыка, этой тенью Том в ударе. На нашей половине поток посетителей пошёл на спад. Часть гостей перекочевала в клуб, а многие из оставшихся уже уделались. Ещё несколько стаканов, и тот лысый, что сидит у прохода, рухнет башкой на стол. Его товарищ, судя по затемнённым стёклам наока и характерным жестам, из последних сил следит за спортивной трансляцией, но вот-вот откинется на стуле и захрапит.

— Ставлю сотню, что не пройдёт и пяти минут, как вон тот, толстозадый, даст храпака.

— Ха, ставлю две сотни на то, что сейчас кто-то с треском вылетит отсюда, — Крепыш ухмыляется, показывая кривые зубы, и отходит от барной стойки.

Час назад не было и секунды, чтобы перевести дух, а теперь можно спокойно поизучать гостей. Только сначала ототру присохшие крошки подсластителя и помаду с бокала очередной проноранки. Обычно они заказывают «Дейзи» — сладкое пойло для приторно сладких девиц. Простые девчонки из секторов победнее, не нашедшие лучшего выхода. Чем дальше они здесь, тем больше «раздуваются» в нужных для работы местах. Красотки, в которых из настоящего — только уши, да и то не всегда, с отёкшими от постоян-

ных операций лицами сбиваются в стайки по две-три особи и приходят сюда в поиске увальней побогаче.

Незавидная судьба, как по мне, лучше уж ловить крыс где-нибудь в пещерах. Мясо у нас так сложно достать, что на него всегда найдётся покупатель. Я много циклов этим промышляла и знаю в этом толк. Лучше уж продавать крысиное мясо, чем собственное тело. Кому-то вроде того толстяка в костюме из термоволокна с оранжевыми вставками, который за вечер влил в себя бутылку отборного злёттера.

Богатеи вроде него нередко заваливаются в нашу забега-ловку на окраине Орана, устав от долгой дороги. Наок на его голове раза в два тоньше моего, ещё и с россыпью камней на ободке.

И зачем мужику камни?

Костюмчик на нём сто́ит, как половина нашего бара. Выбрасывать столько уникайнов, чтобы раздеться на минуту быстрее... М-да. Ещё и выглядит, будто его засунули в мусорный пакет, а потом обмотали предупредительными лентами. Нам, простым смертным, не понять.

Толстяк встаёт, встряхивает манти́лой и она ярким, в тон вставкам на его костюме, пятном разлетается у него за спиной. Неровными шагами толстяк направляется к выходу в сопровождении самой удачливой из девиц. Прикладываю палец с чипом к сканеру, чтобы получить на счёт чаевые. Надеюсь, они такие же жирные, как его брюхо.

Пять сотен, неплохо.

Пока я забираю стакан и протираю стол толстяка, Крепыш нависает над парочкой любителей поспать под градусом. Лысый нервно моргает и пытается выдавить из себя членораздельные звуки, но все переговоры, которые когда-либо вёл Крепыш, заканчивались одинаково. Вот и в этот раз он хватается за шкурки и волочит к выходу два барахтающихся тела. Орёт музыка, но я слышу шум падающих тел и крики. Дверь захлопывается.

Полируя тряпкой очередной бокал, я замечаю странного персонажа. Он сидит в дальнем углу бара. Новая мода, что ли, зачем так много геля на волосах и что за цвет? Ладно ещё привычный зелёный или фиолетовый, но красный? Кто в здравом уме захочет краситься в цвет кирсанов... Чем дольше я на него смотрю, тем яснее, что он не вписывается в окружающую обстановку, как бутылка коллекционного злиттера в пункт выдачи питания где-нибудь на окраине Ангрэма. Слишком правильный профиль, слишком прямая спина, в нём всё как-то слишком. Как говорила моя бабуля, «чувствуется порода».

Чего стоят длинные волосы, какие сейчас носят только радикалы или нюхачи. Нюхач? Но чтобы достать «пыль» — наночастицы для защиты органов дыхания, — нужно столько уникайнов, что хватит на покупку этого бара, а может, в придачу и парочки соседних. К тому же вдыхать её придётся каждые несколько месяцев. Да и что мог забыть «чистенький» из Бэлта в нашей дыре? Такие заглядывают только в

правобережную часть Орана.

Но что-то не сходится. Если радикал, то где его защитная маска? Радикалы против чипирования, значит, и новой модели наока с защитным полем у одного из них быть не может, а желающих подышать «свежим» воздухом и снять маску на улице в республиках давно нет. Это как прогуляться голышом. Хотя... По пьяни мог и уронить на пол, но наок... Вроде и простой, без лишних украшательств, похожий на наоки прошлого поколения, которые работали через голосовые команды, но слишком тонкий для радикала. При этом тёмная одежда. Хм.

О, подземные глубины! Даже если он из Бэлта, надо быть баганутым на всю голову, чтобы нарядиться в белое в наших краях.

Я киваю своим мыслям. Совсем не помню, как он вошёл. Наверное, как раз во время наплыва гостей, когда не было времени даже на спринт до туалета и мне на помощь с кухни пришёл Дэн.

Пока я привожу в порядок ещё пару столиков, «цветной» продолжает неподвижно сидеть в полном одиночестве. В той части зала ещё с прошлого цикла барахлит подсветка, так что отсюда можно лишь догадываться, что у него в стакане. Ставлю на то, что либо жижа, либо злиттер. Если второе, непонятно, почему его ещё не окружили проноранки? Или он их всех уже отшил? Интересно.

Ну что ж, посмотрим поближе, что ты за зверь такой. Я

поправляю волосы, втягиваю живот и иду к красноголовому, но по мере приближения начинаю забывать, зачем шла. Теперь я вижу не только профиль: на виске кровоподтёк, однотонный чёрный костюм порван на рукаве так, что виден рельефный бицепс. Спортсмен? Попал в драку? На скуле то ли ссадина, то ли грязь. Но самое жуткое — глаза старца на молодом лице. Их будто коснулась сама смерть, покрыв сединой концы и без того светлых волосков на бровях и ресницах. Он гипнотизирует стену стеклянным взглядом, зрачок расширен, и кажется, что его глаза чёрные, как у злого духа. Меня он не замечает.

Вот и сваливай подальше, пока не поздно!

А если он убил кого-то и припёрся сюда отметить? Может, и на волосах не краска?

В нашем баре сидит какой-то беглый маньяк, и всем плевать. Куда смотрели Крепыш и Дэн?

Тупые идиоты!

Ещё кирсанов тут не хватало. Но цветной шевелюрой у нас никого не удивишь — свобода самовыражения всё-таки. Разбитые физиономии у мужиков в баре тоже не редкость. Дэн не стал бы лезть к посетителям, если они не нарушают порядок и платят по счетам, — себе дороже. А Крепышу плевать, даже если сюда стекутся все помои Ангрэма, лишь бы они соблюдали правила и воняли не сильнее, чем он сам. Да что говорить? Пока не подошла, сама не заметила ничего странного.

— Прошу прощения, вы не ранены?

Что за бред ты несёшь? Сваливай-сваливай-сваливай!

Надо просто уйти и не искать приключения на свою задницу, но мой язык зачем-то снова шевелится:

— Я могу вам чем-то помочь?

Просто заткнись, Аннэт! Заткнись и сваливай!

Он не реагирует, а я стою, наклонившись, с фальшивой улыбкой.

Сожри тебя каракрот! Ещё можно сделать ноги.

Тут эти прекрасные и ужасные глаза наконец медленно фокусируются на мне. По коже бегут мурашки, и я запоздало осознаю, что мочевого пузыря, кажется, переполнен. Тихий, какой-то механический, голос произносит:

— Нет.

Он залпом опустошает стакан, резким движением возвращает его на стол и снова тарачится на стену, а я оборачиваюсь и проверяю, не появилось ли там что-то новое за прошедшие пять минут. Но нет, всё та же обшарпанная стена.

Может, это не человек, а какой-то новый вид киборгов?

Летучую мышь тебе на плечи, что за чушь!

Хотя... Я замечала похожий взгляд раньше: у брата Давида, который несколько циклов сидел на псиле. Он завязал, но словно больше не способен испытать ни одного человеческого чувства: я ни разу не видела его смеющимся или злым; он равнодушен к физической боли и никогда не вспоминает о прошлой жизни. Но в братстве находится место даже лю-

дям без прошлого. В нём и такие, как брат Давид, обретают смысл.

Могу ли я привести в братство этого человека? Если он из Бэлта, его уже наверняка ищут кирсаны. Привлекать к себе их внимание может быть слишком опасно. Нельзя поднимать шум. С другой стороны, если всё так, он может быть очень полезен. К тому же наш кровавый гость пришёл сюда, и пока никто, кроме меня, не обратил на него внимания, может, сам Владыка прислал его?

— Эй, мадама! Налей-ка нам ещё вашего мерзкого пойла! — гремит кто-то из шумной компании в другом конце зала.

Я забираю пустой стакан и иду за очередной бутылкой депры, чтобы поскорее успокоить этот сброд и не привлекать внимания к незнакомцу.

По пути уворачиваюсь от шлепка по заднице, но тут же налетаю на угол стола.

Вот каракрот!

Я еле сдерживаюсь, чтобы не схватиться за ушибленное место. Бедро ноет так, что я отчетливо представляю наливающуюся гематому, а то и трещину на бедренной кости.

Всего лишь синяк, прекрати накручивать себя по пустякам.

Всё эта дурацкая униформа. В ней я похожа на одну из проноранок. В окне бара отражается моя копия. На ней короткие шорты, плавно переходящие в чёрные чулки с кислотными полосками по бокам, ещё более короткий топ, ко-

торый всё время хочется натянуть до пупа, но тогда грудь окажется у всех на виду. Единственный нормальный предмет одежды — безразмерная куртка, которую не испортить даже розовыми лацканами и капюшоном. Ну и, конечно, мои любимые салатовые кроссовки, они даже в блёклом отражении кажутся яркими.

Следующие часы тянутся, как старая безвкусная жвачка, но я успела узнать у Дэна, что незнакомец в углу был немногословен. Сказал ему: «Злиттер» — и, не смотря на цену, приложил палец к сканеру.

Посетители один за другим выплывают из бара: кто в одиночку, кто в обнимку с проноранкой, а кто менее удачливый — в объятиях Крепыша. Красноголовый же продолжает сидеть неподвижно. Может, просто заснул с открытыми глазами?

Бр-р-р. Тебе лучше держаться от него подальше.

Когда музыка в клубе затихает, а парни с кухни уже ушли отсыпаться, остаемся только мы с Крепышом и два посетителя, включая красноголового. Вижу, что Крепыш теряет терпение и уже готов вышвырнуть их отсюда, но я убеждаю его, что справлюсь с ними сама. Тем более ни один, ни другой не выглядят буйными. Второй на вид — обычный рабочий из Серны, топящий в депре свои надежды на счастливое завтра. По моим расчётам через полчаса он отправится домой переодеться в форму, а дальше — на ненавистную фабрику, ну или просто сбросится с моста. В другой раз, возмож-

но, я бы выбрала именно его, но сюда забрёл этот треклятый «маньяк»... Слишком загадочный, чтобы не обратить на него внимания, слишком красивый, чтобы забыть про него, и слишком потерянный, чтобы не рискнуть ему помочь. Остаётся надеяться, что он не конченный психопат и я переживу наше знакомство.

Крепыш оказывается на удивление сговорчивым. Наверняка решил, что с этими двумя не помахать кулаками: слишком мирные и тихие, а значит, не представляют для него никакого интереса. Внешняя подсветка деактивирована, дверь на улицу можно открыть лишь изнутри, а дверь в клуб заперта.

Остаёмся только мы с вами, мальчики!

Крепыш выходит из бара в момент, когда включается выпуск новостей. Я щедро наливаю в стакан пра́уэра. От знакомого бульканья бутылки начинает немного трястись левая рука, и прозрачная жидкость чуть не выплёскивается из стакана. После вступления в братство я ещё ни разу не промочила горло. Боюсь и в то же время жду, что в новостях с пометкой вроде «особо опасен» покажут моего незнакомца. Рабочий, заметив на проекции утренний выпуск, вздыхает и обречённо плетётся к выходу.

Я делаю глоток. С непривычки дыхание перехватывает, а по пищеводу прямо в желудок прокатывается огонь.

У меня начинаются гипергидроз и тахикардия. Вспотевшие ладони липнут к стакану, а сердце колотится так бешено.

но, будто я пробежала марафон. Вместо того чтобы проверить чаевые, я сажусь за пустой стол и смотрю то на проекцию, то на красноголового.

Сначала говорят о том, что «благодаря успешной инициативе по созданию зелёных зон» уровень загрязнения воздуха в Ангрэме упал до минимума за последние десять циклов.

Сырые терронго им на ужин! Померили бы уровень загрязнения в Серне или Чёрне.

Я горько ухмыляюсь, вспоминая мутную вязкую дымку и нескончаемые потоки песка из Пустоши Ниртоса, что впиваются иголками в любой открытый участок кожи.

Я касаюсь костяшек пальцев, но ничего не изменилось. Много циклов назад я вырвалась из Черны, а кожа на кистях, шее и лбу до сих пор наощупь грубее. Хорошо хоть большую часть лица скрывали защитная маска и очки. Я не представляю, что сделал папа, чтобы достать мне очки. Даже с небольшими царапинками и облупившейся краской они были бесценны.

Детям рабочих Черны по какой-то наверняка «успешной инициативе» бесплатно выдают наоки. Проблема в том, что «инициатива» рассчитана на детей старше восьми, а очередь такая, что по факту получить наок можно не раньше пятнадцати. Мой лучший друг, Марк, которому повезло меньше меня, с десяти циклов из-за песка начал терять зрение. Втайне ото всех я давала ему свои очки и до сих пор временами, даже находясь дома, чувствую, как глаза царапают и жгут

несуществующие песчинки.

Во рту горько то ли от прауэра, то ли от мрачных воспоминаний. Диктор уже вещает об открытии новой башни «Виттала», куда съезжаются лучшие биоинженеры республик, чтобы создать ещё одну чудо-сыворотку. И, конечно, ни слова о том, что её цена будет такой, что дешевле умереть и родиться заново, чем купить её. В госпиталь Серны, где я работала, ни одна волшебная сыворотка так и не доехала.

Выпуск прерывается на рекламу. Отлично сложенные мужчины в одинаковых серых костюмах и салатовых касках стоят, держа в руках кто огромный молоток, кто кирку, и улыбаются. Трое из них по очереди говорят: «В Глузо не работают — в Глузо зарабатывают», «Забудь про кондиционер. Запомни сумму в пактуме»⁴, «Труд в Глузо — достойная жизнь в республиках. Стань частью нашей команды». После чего рабочие ещё радостнее улыбаются и машут руками.

Спорим, эти весёлые придурки ни разу не были на шахте?

Неужели кто-то в совете рассчитывает на то, что, если покрасить каски в самый популярный цвет текущего цикла и напялить их на головы каким-то светящимся от счастья идиотам, станет больше желающих отправиться в аномальную зону под Ангрэмом, где не работает никакая современная техника, включая роботов, а смертность даже выше, чем среди рабочих Черны?

⁴ Пактум — соглашение, которое в республиках заключается при приёме на работу, в нём фиксируется размер оплаты, срок службы и т. п.

Наконец, доходит до рубрики с чрезвычайными происшествиями. Рассказывают про страшную аварию, что совсем недавно произошла на аэрошоссе где-то на въезде в Оран.

О, сердце Вура, это же где-то совсем рядом!

Грузокапс с отказавшей системой управления на бешеной скорости «собрал» несколько легковых. Уже известно о шести погибших и четверых раненых. Мелькают кадры с места событий: видны обломки капсов, один из них вылетел с аэроплатна прямо в пешеходную зону. Ведущий сообщает, что падение замедлило защитное ограждение, но «капс восстановлению не подлежит». Далее включается запись трансляции с наока одного из очевидцев: слышны крики, вокруг перевёрнутого капса толпа, к месту аварии бегут кирсаны.

Потом череда крупных планов: брызги крови на тротуаре, повсюду валяются вещи. Видимо, кто-то из пострадавших отправился в путешествие.

Паршивая, конечно, была идея.

Из салона перевёрнутого капса начинают кого-то вытаскивать. Это мужчина в чёрном. Его держат двое, сначала он просто болтается у них на руках, а потом приподнимает голову и постепенно приходит в себя. Вырывается, шатается, падает, но рвётся обратно к капсу. Он пытается выломать покорёженную дверь. Её так глубоко вдавило в уцелевшую половину капса, что становится понятно — того, кто сидел за этой дверью, уже не спасти. Несколько человек оттаскивают беднягу от загоревшейся груды металла. Его бьёт дрожь,

а возможно, не его, а перепуганного оператора.

А потом взрыв. Яркое пламя поднимается в небо, камера дёргается вбок, но тут же возвращается. Мужчина с потемневшими от крови волосами пытается вырваться и кричит, но его удерживают на безопасном расстоянии. За первым взрывом следует второй. Пламя уничтожает всё, что осталось от капса.

Теперь родственники не смогут даже развеять прах, не пройдёт и часа, как ветер разнесёт пепел по улицам.

Это запись, он уже давно всё разнёс.

Мужчина в кадре опускается на колени и что-то безумно шепчет. Но слов не разобрать, оператор уже повернулся в сторону и снимает останки на улице. Капс упал прямо на людей. Циклы в госпитале не прошли даром, но сейчас я еле сдерживаю подкатывающую рвоту.

Диктор говорит, что «детали произошедшего уточняются», «устанавливаются личности пострадавших», «один мужчина от госпитализации отказался». И тут я перевожу взгляд на гостя в углу. Он смотрит не на стену, а на проекцию. В его глазах такая боль, что сотни иголок впиваются в моё сердце.

Я не выдерживаю, отвожу глаза и бросаюсь к бару, по пути запинаясь о ножку стула, еле сдерживаюсь, чтобы не заскулить от боли, и прячусь за стойкой. А потом тру скрипящий и давным-давно натёртый до блеска стакан.

Нас ждут проблемы. Давай просто выйдем, закроем бар

и разбежимся каждый в свою сторону.

Я перевожу взгляд на безмолвного мужчину в другом конце бара и ставлю стакан на место.

Нет-нет-нет!

Дорога от бара, которая обычно занимает у меня не больше двадцати минут, растягивается на час. Мы медленно плетёмся, потому что бледно-реснитчатый едва переставляет ноги. От него разит дымом, и, кажется, ему без разницы, куда и зачем мы идём, — до сих пор он не задал мне ни одного вопроса. Я же несу всякую чепуху про то, что осталось совсем недолго и всё будет хорошо.

Конечно, не будет.

Ветер покалывает открытую кожу тысячами крохотных песчинок. Каракрот подери, как же сложно не пялиться на лицо моего спутника. На нём нет ни маски, ни отливающего синим защитного поля от наока. При этом он ещё ни разу не кашлянул и даже не прочистил горло...

Либо нюхач, либо волшебник.

Только я теперь не верю в сказки.

Серость улиц прорезают первые лучи оранги. Обычно я люблю возвращаться домой из бара. Пограничное время между светом и тенью, когда в пешеходной зоне ещё пустынно, мерно гудят ползающие то тут, то там роботы-уборщики. Между домов мелькает, набирая цвет, оранга, и кажется, что

без привычных для светлого времени толп и давки, воздуха становится больше. Только эта прогулка не из приятных.

Мне не по себе от того, что я добровольно тащу к себе незнакомого мужика, которого совсем недавно показывали в новостях, но я помню, в каком состоянии была я, перед тем как согласилась вступить в братство, и отгоняю тревожные мысли прочь.

Ты могла бы просто отвести его в госпиталь, а завтра, когда он придёт в себя, рассказать ему о братстве.

Если моя интуиция меня не подводит и он действительно нюхач, то не пройдёт и часа, как его переведут в элитный госпиталь Бэлта, куда мне никогда не попасть, а он может быть очень полезен для братства, так что я просто продолжаю болтать:

— Знаешь, в Серне запустили программу по обмену наков. Сдаёшь старый и бесплатно получаешь новый. У нас в баре уже все поменяли, а я никак решиться не могла, боялась. Всё-таки какую-то штуковину имплантируют прямо в мозг. Ну... может ведь начаться инфекция или даже иммунная реакция. Но Дэн так расхваливал, особенно эти ви-сферы... Сейчас все кому не лень их создают. Говорят, можно даже разбогатеть. Создаёшь, и, если твоя ви-сфера выйдет в топ, можно сделать платный доступ. Ну, я и решилась. Буквально светов десять назад сходила, обменяла. Чип крошечный оказался, вживили, я даже не заметила. В общем, всё обошлось, Владыка уберёт. Я это всё к чему? Ты тоже свой

поменять можешь, если хочешь, хоть завтра сходим.

В ответ ожидаемо никакой реакции.

— Я много болтаю, да? Ты не переживай, это только когда нервничаю. Хирург, которому я ассистировала в госпитале, говорил, что у меня словесное недержание, — из меня вылетает нервный смешок.

Плечо уже отваливается под весом мужского тела, ткань в месте крепления мантэлы трещит.

Только не это!

Я так долго засматривалась на мантэлы. Последние циклы все в республиках на них помешались... Более короткие, чем вышедшие из моды шантáхи, они напоминают свисающую кожу ящеров, в честь которых и получили название. А ещё стоят столько, словно их шьют из золота, не меньше.

Правда, хоть мне и пришлось экономить весь прошлый месяц, а ещё брать дополнительные смены, но моя мантэла стоит каждого потраченного на неё уникайна. Чуть поворачиваю голову и смотрю на салатовую с тонкими вертикальными полосками в местах складок ткань, что укрывает мою спину. Яркая настолько, что видно даже издалека. Она идеально подходит к кроссовкам, и в ней я чувствую себя увереннее, словно мне передалась часть силы этих могучих ящеров с Мата. Но и она не безгранична.

Уже несколько раз я была в шаге от того, чтобы отказаться от безумной идеи по спасению красноголового, добежать до дома, рухнуть на кровать и просто уснуть. Только доста-

точно посмотреть на него, и я продолжаю терпеть и дальше переставлять ноги. Я слишком хорошо знаю, каково это — остаться наедине с собственным горем.

Когда мы доползаем до здания, где я снимаю квартиру, я уже готова расплакаться от счастья. На входе привычно обдаёт потоком воздуха, чтобы вошедшие не притащили с улицы песок. Хотя песок вряд ли сильно бы испортил окружающую обстановку. Дома в Серне не ремонтируют, поэтому серая краска местами лопнула, а кое-где отходит целыми кусками, оголяя бетонные стены. Те участки, где она ещё сохранилась, уродуют надписи какого-то недоделанного художника. Лифт с грохотом раскрывает нам свои двери и встречает кисловатым запахом. Я жду отвращения на лице незнакомца, но там по-прежнему только пустой взгляд.

Запахать в мою квартирку эту полубессознательную тушу — целое испытание. Он уже второй раз налетает на стену, а мне приходится выдохнуть, потому что это единственный способ протиснуться самой и затащить его внутрь.

Я активирую подсветку, потихоньку отпिनываю под кровать валяющийся на полу носок, туда же отправляется и белый плюшевый кролик, что сидел на моём одеяле.

Прости, Родж!

Я оставляю мужчину в комнате, сама возвращаюсь в коридор, иначе не открыть дверь в душевую. Плещу воду на лицо и немного перевожу дыхание. Голова после смены плохо соображает.

Поздравляю, Аннэт. Ты опять нашла приключения на свою задницу.

Пока меня не было, красноголовый успел сползти по стене и теперь совсем обмяк. Снимаю с него наок, чтобы промыть волосы, свой оставляю — всё равно водостойкий. Кручу в руках тонкую полоску металла с парой изящных линий и практически незаметным наушником, по весу он раза в три легче моего. Линзы очков с небольшим переливом, а на обороте буква «В». Конечно же, изготовлено «Витталом». Ничего лишнего, но видно, что модель качественная и дорогая, хотя я и не могу вспомнить её название.

Я кряхчу, пока заталкиваю тяжёлое обмякшее тело в душевую. Случайно задеваю его головой косяк.

— Ух. Прости! — Ему мои извинения как совету проблемы Черны, так что я продолжаю своё дело и начинаю утруждать в душевую его ноги, они оказываются слишком длинными для моей ванны.

— Ну куда тебе такие палки, а? — бубню я себе под нос.

Чёлка лезет в глаза и ужасно раздражает, а над губой выступает пот. Надо бы включить кондиционер... Обычно я активирую его лишь на время сна, но сейчас всё-таки не лучшее время экономить на энергии.

— Фуф. Наконец-то!

Как могу аккуратно стягиваю с него костюм, смотря куда угодно, кроме крепкого мужского тела передо мной, и впадаю в ступор.

И чего ты не снимаешь с него боксеры? Как тащить незнакомого мужика к себе домой, так ничего. Не боимся. А тут мы вдруг нежная девица?

Представляю, что я в медицинской форме — это всегда срабатывает, — отворачиваю голову и стягиваю с него трусы. Они чёрные, как и его костюм. Без единой надписи или рисунка.

Да неужели?

Я включаю воду. Следить за тем, чтобы он не рухнул, и одновременно промывать волосы — та ещё задачка, так что приходится коленями зафиксировать плечи. С его головы стекает кровавая река, но я уже вижу светлые волосы.

Убавь напор! Такими темпами половина зарплаты уйдёт на воду.

Ткань костюма неприятно липнет к телу, и я жалею, что сама не разделась.

Ха! Вот был бы кадр, ты голенькая обхватываешь его коленями...

— Заткнись!

Я аккуратно промакиваю кожу незнакомца полотенцем, оно у меня одно — ярко-розовое, когда касаюсь им подтянутого мужского тела, от дикости происходящего нервно подхихикиваю. Спустя ещё минут десять выдыхаю:

— Готово.

Спина отваливается, а ноги дрожат от напряжения. Я шлёпаю его по лицу, чтобы привести в чувство. Ещё немного, и

я сама упаду на пол.

— Эй, здоровяк, вставай! — Он не реагирует, и я брызгаю ему в лицо ледяной водой.

После чего мой гость только приоткрывает глаза и хлопает своими длинными ресницами. От воды они немного потемнели, но белые концы теперь смотрятся ещё более странно. Возможно, так выглядел снег, про который рассказывала сказки бабуля?

— Вставай-вставай, я не дотащу тебя. — Кажется, медленно до него начинает доходить. — Вот так, тут недалеко. Давай, ещё пара шагов. Повезло тебе, что я не во дворце живу, а то бы до завтра ползли!

Я укладываю его на кровать. Она так скрипит, что, кажется, сейчас проломится, но всё-таки выдерживает. Я накидываю на нижнюю часть его тела одеяло, а то так и буду коситься, куда не надо. Достая аптечку и прауэр — прихватить его из бара было отличной идеей — и начинаю накладывать швы. Мой гость безучастно таращится в потолок и даже не моргает. Психогенный ступор?

Когда-то давно, кажется в другой жизни, когда я ещё проводила каждую тень в госпитале, наслушалась я мужских криков и насмотрелась пустых рыданий из-за мелких царапин. А этот даже не дёргается, пока я плещу прауэр, а потом один за другим вытаскиваю присохшие куски пластика и ткани из рваной раны у него над третьим левым ребром. Пожалуй, самая серьёзная из отметин, что остались ему на

память после аварии. Не считая тех, что у него на сердце, конечно. Те залатать будет не так просто.

— Перепало тебе, конечно, но ты живучий.

Переломов нет. Кроме пары поверхностных резаных ран, только наливающиеся гематомы и небольшие ссадины. На его теле нет ни одной татуировки, нет и лишнего жира или раздутых сверх меры выпирающих мышц, как у Крепыша. Только здоровая, ну, сейчас почти здоровая, сила. Заканчиваю осмотр и отворачиваюсь.

Пока я убираю аптечку и сортирую мусор, он засыпает.

Хотела затащить красавчика в свою постель? Получай.

Да уж, о таком я точно не мечтала. Во сне он хоть и занимает всю кровать, но кажется каким-то домашним и беззащитным. Даже потрёпанный, весь в ссадинах и ушибах, как же хорош! Прямые мужественные губы, сильные руки, а его длинные волосы непривычно натурального цвета, чем-то похожего на злиттер. Тянусь, чтобы расправить их, но отдёргиваю руку.

Эй, завязывай! Неизвестно, что будет, когда этот красавчик проснётся.

Вместо светлых волос провожу рукой по бежевому клетчатому одеялу. Оно тонкое, местами с выцветшей краской и парой заплаток, но под ним сняты самые лучшие сны.

— Прости, сейчас ему ты нужнее.

Я пытаюсь раздеться, но мокрая ткань намертво прилипла. Вот бы сейчас костюм толстяка из бара, такой снимается

автоматически. Психую, но всё-таки выбираюсь из липких холодных штанин, до последнего цепляющихся за мои голени.

Я опускаюсь на корточки и приваливаюсь к кровати. Нужно передохнуть хотя бы пару минут, ноги гудят, и нет сил даже доползти до стула. Я обхватываю колени руками и бросаю последний взгляд на клетчатую ткань. Сейчас бы завернуться в неё с головой, и сразу стало бы так уютно. Прикрываю отяжелевшие веки.

— Внимание! Зафиксировано снижение температуры тела. Возможно переохлаждение, — врывается в мой сонный мозг уведомление наока.

Ещё гипотермии нам не хватало.

Похоже, я вырубилась прямо на полу под кондиционером. Тело знобит.

От неудобной позы или от того, что я забыла снять наок, онемел затылок и давит виски. А может, сказывается выпитый стакан прауэра.

Нечего было заливать в себя всякую дрянь!

Я ныряю в домашние шорты и майку, выключаю кондиционер и завариваю гóчу. Пусть в республиках она и не пользуется популярностью, потому что её пьют горячей, но бабуля её любила, и у меня всегда припасено немного заварки. Я делаю пару глотков. Обычно я пью гóчу, когда скучаю по

бабуле, и стоит горячему травяному напитку пройти по пищеводу, как на меня накатывает тёплая грусть, но тело постепенно согревается.

— Ну что, милый, давай узнаем, кто ты такой, — произношу вслух я и направляю мысленную команду на голосовой вызов.

— Хей, Мит, нужна твоя помощь, — говорю я. Мой наок позволяет поддерживать мысленную беседу, но в «Виттале» так и не научились нормально воспроизводить человеческие интонации, поэтому во время звонков я по-прежнему переключаюсь на голосовой режим.

— Соскучилась, красотка? — звучит в наушнике бодрый голос Мита, моего информатора из братства.

— Есть кандидат. Нарой о нём всё, что сможешь. Сейчас, сек. — Я снимаю спящего незнакомца, отправляю Миту кадр и только после этого понимаю, что мой гость во сне скинул с себя одеяло.

— Это точно кандидат, а не твой любовник? — интересуется тот.

— Ха-ха, очень смешно. Нет, сожри тебя каракрот, это не мой любовник, а герой вчерашних новостей, и я хочу знать о нём всё.

Искра

Иривур, Центральный филиал

Я открываю глаза, и тут же закрываю их, ослеплённая ярким светом. Как рыба, выброшенная из своей стихии, судорожно пытаюсь вдохнуть, хотя воздуха предостаточно, и нет причин глотать его так жадно. От меня ускользает что-то важное, но я не могу вспомнить, что именно. Голова раскалывается.

Я щурюсь, пытаюсь привыкнуть к освещению, и окидываю взглядом пространство вокруг. Я лежу на кушетке посреди небольшой белой комнаты без окон и мебели. Кроме двери, вокруг лишь пустота. Ничего и никого. Ни люстры, ни светильников, ни единого источника света, который вопреки всему до сих пор режет глаза. Хотя... я ещё не видела пол. Но голова как перезревший плод, готовый лопнуть, и я не нахожу в себе сил оторвать её от мягкой поверхности и посмотреть вниз.

Через несколько минут входит невысокая женщина с терракотовыми волосами и скульптурно правильными чертами лица.

— Добро пожаловать в Иривур, душенька! — говорит она приятным мягким голосом.

Сознание затуманено, и смысл её фразы от меня ускользает.

— Это какой-то дурацкий сон?

Вчера я жутко напилась, и это расплата?

Не без усилий я приподнимаюсь. Встать вряд ли смогу, но сидя уже не чувствую себя такой уязвимой. Кушетка подо мной с виду похожа на больничную, но она настолько мягкая, что я тыкаю в неё пальцем, пытаюсь проверить толщину матраса.

Женщина в белоснежной, как всё вокруг, одежде, звонко смеётся, отчего у меня в ушах немного звенит. Я встряхиваю головой и фокусируюсь.

Её янтарные глаза сияют так, будто под радужку поместили маленькую орангу. От восхищения у меня даже немного сбивается дыхание.

Я точно вчера выпила чего-то слишком крепкого...

На груди женщины слегка покачивается медальон. Его цвет настолько глубокий, что я в деталях могу представить, как тягучая янтарная слеза падает из её глаз и застывает. Прикасаюсь к груди. Кажется, и у меня должно быть что-то подобное, но под подушечками пальцев лишь обнаженная кожа. Я замечаю, что мои руки то превращаются в туман, то принимают привычную форму, отчего мурашею.

Это просто дурацкий сон!

От разглядывания ладоней меня отрывает голос незнакомки:

— Не слишком ли реально для сна, как думаешь? — *Да уж, гораздо больше, чем просто «слишком». Звездануться,*

как реально. — И почему сразу «дурацкий»?

Она, очевидно, не ждёт от меня ответа, потому что продолжает:

— А насчёт телесности не переживай, у нас каждый выглядит, как хочет. Чего только не насмотришься в последнее время, зверинец какой-то. Так что хоть туманом будь, хоть человеком, тут никого не удивишь, главное работу свою делай хорошо.

После этой фразы она подмигивает мне с искренним озорством ребёнка, хотя на вид ей около тридцати и подобный жест совершенно не соответствует её образу. Она подходит ближе и даёт знак встать, а потом изящно проводит рукой вдоль моего лба, не касаясь его. Меня обдаёт потоком тепла, приятным, как лёгкий ветерок в жару, который уносит с собой мучившую меня головную боль.

Как хорошо...

Её руки скользят ниже, движения меняются, воздух под ними уплотняется и превращается в нити цвета утреннего неба. Сначала они сплетаются вокруг моей груди и плеч, а потом материя покрывает талию и струится по ногам, пока не достигает белоснежного пола. От восторга я кружусь. Платье кажется невесомым, но я чувствую кожей его тепло.

— Так гораздо лучше.

— Но как? Как вам удалось? — И лишь тут я осознаю, что до этого сидела абсолютно голая. *Кошмар!* У меня горят даже кончики ушей, но я выдавливаю из себя: — Платье про-

сто невероятное! Спасибо.

— Брось, всего лишь приятная вещица, — она мягко улыбается и продолжает: — Меня зовут Грея.

— А меня ... — зависаю я.

Грея терпеливо ждёт, пока я мысленно перебираю буквы, которые в итоге складываются в простое:

— Искра.

— Очень приятно, Искра. Ты в Доме возрождения и скоро вспомнишь всё, что должна знать о себе и нашем мире, — обнадеживает Грея.

Что ж, если здесь все такие, как эта женщина, а я могу выглядеть, как захочу, и одним движением руки лечить головную боль и обновлять гардероб, то всё не так уж плохо.

— Ты готова идти? — деликатно интересуется Грея. — Чтобы узнать твоё предназначение, нужно пройти процедуру измерения.

— Процедуру измерения? — Я всё меньше понимаю происходящее, но пытаюсь казаться разумной.

— Пойдём, сейчас сама всё увидишь. — Она берёт мою руку и увлекает за собой. От этого прикосновения волнами расходится тепло, ощущения гораздо ярче, чем раньше, пальцы даже немного покалывает. Мои конечности, похоже, признают, что теперь глупо отрицать своё существование, и перестают развоплощаться.

— Вот и правильно, — косится на наши руки Грея, — я уважаю право выбора, но преступление — скрывать от мира

такую красоту.

Она опять подмигивает мне, а я встряхиваю головой и максимально незаметно щипаю себя за предплечье. Окружающий мир не становится менее реальным, и я вслед за Греей иду по сияющему коридору навстречу неизвестности.

Когда белая пелена расступается, мы попадаем в просторный круглый зал со сценой. Многоярусный потолок в центре образует купол. С выступов на потолке, как волшебные медузы, свисают массивные люстры, усыпанные огнями сотен свечей. Одна из них, недалеко от входа, словно тянет ко мне горящие щупальца, и я невольно делаю шаг назад. Заодно пропускаю выходящего из зала мужчину в белом, рядом с которым идёт крупный ящер.

— Я же говорю, зверинец! — пожимает плечами Грея и ловко уворачивается от шипастого хвоста. — У них на Вуре сейчас модно заводить домашних мантэл, только они жутко дорогие, и кто победнее, из-за нереализованных при жизни желаний, машут тут потом своими хвостами! — Последние слова она бросает в коридор, но ящер даже не оборачивается, только раздраженно дёргает хвостом.

От массивных дверей к сцене ведёт рубиново-красная ковровая дорожка с замысловатым орнаментом, алые стены украшают полотна картин. Я подхожу к ближайшему из них.

На нём — поле битвы, где бесчисленное войско окружило безоружного гиганта в белом плаще, рукой он держит стрелу, пронзившую его живот. Тело гиганта источает такую мощь,

что все эти люди вокруг, будто жалкая пыль под его ногами, но почему-то он позволяет ей быть. В его глазах что-то ужасно человеческое, пронзающее до глубины души. Что-то болезненное и внезапное, как предательство лучшего друга. А на холме вдалеке видна женщина, стоящая на коленях. Мне мерещится, как она, сражённая горем и бессильная, покачивается из стороны в сторону, обхватив голову руками. Не выдерживаю и отвожу взгляд.

На других картинах — величественные замки и потрясающие воображение мифические создания. Я смотрю на них, но перед моими глазами по-прежнему лицо мужчины, поражённого стрелой.

— Пойдём, не дело стоять на проходе, — вполголоса говорит Грея и утягивает меня вперёд. Ковровое покрытие, достойное правителей, поглощает звук наших шагов.

Перед сценой три ряда тёмных бархатных кресел, расшитых золотой нитью. В одном из них к нам спиной сидит человек, а чуть поодаль, ближе к ступенькам, ведущим на сцену, толпится группа людей. Всё это похоже на кастинг в театральную труппу.

На сцене двое мужчин. Один из них как раз встаёт на массивную блестящую платформу.

Нестандартный у них реквизит!

Из платформы, переплетаясь друг с другом, поднимаются прозрачные стеклянные трубки. Они упираются в такую же блестящую, как и платформа, панель, что находится в райо-

не мужской груди. Конструкция чем-то напоминает стойку для выступлений. Только очень футуристичную, словно из другой галактики.

Может, они подбирают актёра на роль политика для очередного фильма про будущее?

Только как это связано с процедурой измерения, которую упоминала Грея...

Я жду, что мужчина сейчас сделает какое-нибудь громкое заявление, но он молчит.

Мы приближаемся, и если здесь действительно ищут актёра на роль политика, да или на любую другую роль, то это будет кто угодно, кроме него. На массивной позолоченной платформе стоит среднестатистический обыватель. Ссутулившись, он исподлобья поглядывает на второго мужчину, седовласого в пыльно-сером балахоне до пят, пока тот изучает что-то в кружочках на панели.

По трубкам ползёт цветной дым. Я вопросительно смотрю на Грею.

— Это Ауромер, а рядом с ним Говорящий на языке чисел, он из Отдела поиска предназначения, — шепчет мне на ухо Грея. — Он снимает показания с Ауромера, а нам остаётся лишь ждать. Но не бойся, он за всю службу не совершил ни единой ошибки.

Пока она говорила, трубка с чёрным заполнилась больше, чем наполовину, а остальные цвета едва различимы. Лишь океанский синий и платиново-серый поднялись примерно на

треть.

— А что означают цвета, и почему они разные?

— Жизнь в теле человека накладывает отпечаток на душу, любой поступок оставляет след на твоей ауре. Аурумер считывает все параметры, каждая из трубок измеряет какой-то из них. Так, чёрный — это мрак, а видишь синий? Его поменьше, это интеллект.

— А серый? — Уровень серого в трубке стал выше.

— Серый — дисциплина.

— Но как связаны между собой дисциплина, интеллект и... мрак?

— Свет и мрак есть в каждом, но не только они определяют личность. В наших душах множество оттенков, как и измерений в Аурумере.

— А почему Говорящий на языке чисел смотрит не на трубки, а куда-то выше?

— Результат выводится на циферблаты на панели, отсюда плохо видно, но скоро сама поймёшь. Постой-ка тут, я сейчас.

После этих слов она оставляет меня наблюдать за происходящим и идёт к мужчине, сидящему в кресле. Отсюда не слышно слов, видно лишь, как мужчина кивает и что-то пишет в толстом блокноте, больше напоминающем коллекционную книгу из антикварного магазина. К ней страшно даже прикоснуться, не то что мараить её уставшие от времени страницы свежими чернилами, но для человека в кресле, похо-

же, это привычное дело.

Тем временем Говорящий на языке чисел поворачивается в сторону зала и выносит вердикт:

— Мрачный дом, Отдел по производству рутины. — Он переводит взгляд на совсем скукожившегося после приговора мужчину и добавляет: — Приятной службы, Средний.

На фразе «Мрачный дом» и у меня по спине пробежал холодок. Остаётся надеяться, что меня ждёт менее «мрачная» участь. Судя по напряжённому шёпоту среди ожидающих, многие со мной солидарны.

Публика здесь разношёрстная: светловолосый мальчишка циклов семи внимательно изучает Ауромер; за ним, привалившись спиной к сцене, с безразличным видом жуёт жвачку совсем молодой парень с короткими зелёными волосами; недалеко от него ухоженный мужчина в дорогом костюме и начищенных до блеска чёрных ботинках переминается с ноги на ногу и поглядывает на наручные часы. Рядом с каждым из них, словно призраки, стоят люди в белом.

Тут что, у каждого своя «Грея»?

Мужчина в костюме случайно наступает на хвост огромному змею, а тот раскрывает пасть и шипит на него так громко, что я напрягаюсь всем телом. К счастью, одному из «призраков» в белом удаётся его успокоить.

В самом начале очереди у другого «призрака» что-то спрашивает полная женщина с собранными в хвост волосами и вытянутым испуганным лицом. После его ответа жен-

щина взмахивает руками, теряет равновесие и отступает на несколько шагов, а я замечаю молодую девушку со светлыми локонами, стоящую позади неё.

Девушка словно чувствует, что я её разглядываю. Она оборачивается и находит меня глазами цианового, как море у берегов тропического острова, цвета, а потом беззвучно говорит: «Привет» — и улыбается.

Я не успеваю ответить ей, потому что человек с книгой громогласно объявляет:

— Соль. Встаньте на платформу и примите свою судьбу.

Она уходит на сцену.

— В Мрачный дом попадают души, в которых больше всего мрака. Вроде того типа, что недавно ушёл. — Я и не заметила, когда Грея успела вернуться. — Готова поставить сто рекреаций на то, что красотка перед нами отправится на Фабрику сновидений. С фантазией у девочки определённо всё хорошо.

Я не представляю, что такое рекреация, но и у меня нет сомнений по поводу её фантазии. Не вызывает сомнений и то, что, в отличие от меня, она сама создала этот образ. Ракушки на лифе её платья переливаются, тёмная чешуя на талии отражает огни свечей, а диковинные морские растения на её бёдрах, похожие на цветы с остроконечными лепестками, двигаются в такт шагам. Ниже струятся волнистые, как её волосы, ленты мятно-фиалковых водорослей.

Платье мало что скрывает, и пока она идёт в сторону плат-

формы, все наблюдают, как то появляются, то вновь скрываются под лентами из водорослей длинные стройные ноги. И если меня не обманывает зрение, то сейчас рядом с её ногой, прямо по воздуху, проплывают две рыбки. Моргаю. Всматриваюсь, но рыбки уже исчезли.

Может, показалось?

Я слежу за цветами в трубках. У девушки всё наоборот: платиново-серый и чёрный едва различимы, а пурпурно-фиолетовый и оранговый стремительно заполняют пространство. Уровень фиолетового становится всё выше, а сам цвет насыщенней, словно ему тесно внутри. Стекланные трубки становятся похожи на связку толстых разноцветных проводов.

— Смотри, как пополз фиолетовый — это фантазия, а какая энергия...

— Энергия — это какой?

— Оранговый. Я точно не ошиблась в этой девочке, слушай, сейчас объявит!

— Фабрика сновидений, мастер сновидений, — словно слышит нас, констатирует Говорящий на языке чисел. — Приятной службы, Соль.

— Надеюсь, её повезет с наставником, давненько к нам таких перспективных мастеров не поступало, — провожает её взглядом Грея.

Соль и её спутник в белом покидают зал. Проходя мимо, она ещё раз мне улыбается и шепчет: «До встречи!» — а к

платформе уже вызывают мальчугана с не по-детски вдумчивыми глазами.

У него практически полностью заполняется синим трубка, отвечающая за интеллект, и его распределяют в Библиотеку, Отдел литературы Нового времени. Пока идём к лестнице, я интересуюсь у Грей, умеет ли он читать, а она тихонько смеётся и отвечает, что многое здесь не то, чем кажется.

Следующим вызывают парня с зелёными волосами, он поднимается так медленно и неохотно, словно позади нет очереди, а он вышел на прогулку. Теперь мы стоим ближе, и я вижу, что кружочки на панели и есть циферблаты. Каждая из трубок ведёт к своему.

Когда так и не избавившийся от жвачки парень наконец встаёт на платформу, что-то идёт не так. Он успеваает надуть пару пузырей, а цветной дым так и не появляется. Я щурюсь, чтобы рассмотреть лучше, и всё-таки замечаю на дне трубок тусклые цвета.

— Совсем пустой, — шепчет мне Грея.

Говорящий на языке чисел звучно, гораздо громче, чем говорил до этого, произносит:

— Перерождение.

После этих слов платформа раскрывается, и парень с криком проваливается. На месте, где он стоял секунду назад, закручивается чёрная воронка. Моё сердце бешено колотится. Очередь вокруг шумит.

— Куда он делся? — повышаю голос я, чтобы Грея меня

услышала.

— Души, подобные этой, ещё не созрели для нашего мира, им нечего сюда привнести. Так что он отправился обратно на Вур. То же самое происходит с совсем пропащими душами, в которых слишком много мрака. Наш мир защищает нас от тех, кто может причинить ему и его обитателям вред.

Дальше на платформу идёт мужчина в тёмном костюме. Он отправляется в Бюро расследований инцидентов, правда, за разговором с Греей я прослушала в какой отдел, а нервная женщина — в Канцелярию Обители хранителей. Огромного змея назначают ловцом в Банк кошмаров.

Не хотела бы я оказаться одним из кошмаров, которые он будет ловить.

Я медленно выдыхаю, чтобы успокоиться. Моя очередь.

Вот бы чего-нибудь пожевать.

Я не успеваю узнать, есть ли тут еда, потому что человек с книгой громко называет моё имя. Не удивлюсь, если его зовут Секретарём. Судя по всему, он фиксирует в этой антикварной книге все назначения и ведёт учет вновь прибывших.

Грея подталкивает меня в сторону сцены. Я переставляю ноги, но с каждым шагом они словно становятся тяжелее и слушаются всё хуже. В нерешительности замираю перед блестящей громадиной. Вблизи платформа гораздо больше, на ней спокойно уместилось бы человек десять. Надо бы подружиться с Соль и взять у неё несколько уроков самообладания.

ния.

— Искра! Встаньте на платформу и примите свою судьбу,
— раздражённо гремит «секретарь».

Соберись!

Босыми ногами я шагаю на платформу. Она похожа на холодный золотой слиток. Словно небольшие разряды проходят через кожу на моих стопах так, что мне хочется как можно скорее спрыгнуть обратно. Тут в моём сознании щёлкает.

Я тут не в первый раз.

Кажется, сама судьба поймала меня за пятки, и стремительно высасывает из меня душу. Я физически чувствую вытекающую из меня энергию и напряжённо смотрю на пустые трубки. Задерживаю дыхание и судорожно вспоминаю, что Грея говорила про пустые души, но спустя мгновение трубки окрашиваются в разные цвета, и я выдыхаю.

Там есть дымчато-белый, океанский синий, глубокий зелёный, оранжевый и коралловый, но все они расплываются у меня перед глазами на фоне ползущего всё выше и выше чёрного. Панель у моей груди наклонена в сторону Говорящего на языке чисел, но она двухсторонняя, и я вижу, как мелькают цифры на многочисленных циферблатах.

Я не знаю, что они значат, и на каком из циферблатов сосредоточить внимание. К счастью, Говорящий на языке чисел справляется без меня:

— ...Интеллект четыреста и три с четвертью, фантазия сто восемьдесят. Мрак, хм... — он поправляет очки и жуёт

губы, будто увидел незнакомые прежде цифры и не знает, как подставить их в свою безумную формулу.

Я ощущаю тяжёлый буравящий взгляд откуда-то сверху. Поднимаю глаза и через несколько мгновений нахожу миниатюрный балкон, расположенный прямо над входом в зал и больше похожий на нишу — если специально не искать, то и не заметишь. Оттуда за мной наблюдают двое мужчин и женщина. Моё внимание привлекает мужчина с коротко стриженными серебристыми волосами, которые словно заиндевели. Его глаза сканируют и разбирают меня на частицы. Чувство такое, словно я снова без одежды, а под ногами не платформа Ауромера, а обжигающая кожу корка льда. Непроизвольно переступаю с ноги на ногу.

— Стой спокойно! Не мешай. И так расчёт не сходится, — Говорящий на языке чисел возвращает меня в причудливую реальность. — В Мрачном доме будешь чужой, но столько мрака...

— Только не в Мрачный дом, — твёрдо произношу я. — Делайте со мной, что хотите, только не в Мрачный дом.

Упрямо гипнотизирую золотую панель, от которой зависит моё будущее. Она, как паук, смотрит на меня, множеством глаз-циферблатов. От неожиданности я вздрагиваю, когда числа на циферблатах начинают меняться. Из зала доносятся шепотки толпы, Грея нервно крутит тонкими пальцами кулон на груди, а Секретарь наклоняется в кресле вперёд, словно с такого расстояния хочет разглядеть показания

Ауромера. Тяжесть взгляда сверху не пропадает ни на секунду, но я не решаюсь ещё раз с ним встретиться и просто жду своей участи.

— Такого у нас ещё не было. Интересно, интересно... — удивлённо бубнит Говорящий на языке чисел, взлохмачивая седые волосы, и вновь одно за другим произносит числа, чтобы одному ему известным образом провести судьбоносный расчёт. От волнения закладывает уши, и все его слова для меня сливаются в фоновый шум.

— Обитель хранителей, Подразделение личной охраны, — подводит итог он. — Приятной службы, Искра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.